

Убийство Роджера Экройда

Автор:

Агата Кристи

Убийство Роджера Экройда

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #4

Поначалу убийство эсквайра Роджера Экройда не казалось полиции загадочным – все указывало на виновность пасынка убитого. Но иначе считает Эркюль Пуаро, который недавно переехал в эти места, в очередной раз решив уйти на покой. Его попросила помочь племянница Экройда, которая не верит в виновность молодого человека. И Эркюль Пуаро начинает расследование, имея вокруг множество подозреваемых – родственников и знакомых эсквайра, каждый из которых был заинтересован в его смерти. Повествование ведется от имени доктора Шеппарда, последнего, кто видел Экройда живым. С помощью его записей Пуаро предстоит вычислить хитроумного преступника...

Агата Кристи

Убийство Роджера Экройда

Agatha Christie

THE MURDER OF ROGER ACKROYD

Copyright © 1926 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Пинки, любительнице традиционных детективов с убийствами, расследованиями и подозрениями, падающими на каждого!

Глава 1

Доктор Шеппард завтракает

Миссис Феррарс скончалась в четверг, в ночь с 16 на 17 сентября. За мною прислали в пятницу, 17 сентября, в восемь часов утра. К тому моменту, как я появился, сделать ничего было нельзя – она была мертва уже несколько часов.

Домой я вернулся в начале десятого. Открыл входную дверь своим ключом и намеренно задержался в прихожей на несколько минут, вешая на вешалку шляпу и легкое пальто, которое предусмотрительно надел для защиты от прохлады раннего осеннего утра. Сказать по правде, я был здорово расстроен и обеспокоен. Не хочу притворяться, что в тот момент я предвидел все события, которые последовали в следующие несколько дней – подчеркну, что это было совсем не так, – но мои инстинкты подсказывали мне, что впереди нас ждут непростые времена.

Из столовой по левую руку от меня раздалось позвякивание чайных чашек и отрывистое, сухое покашливание моей сестры Кэролайн.

– Это ты, Джеймс? – спросила она.

Глупый вопрос – кто же это еще мог быть? Надо сказать, что именно моя сестрица Кэролайн была причиной моей задержки в прихожей. Мистер Киплинг рассказал нам, что девизом семейства мангустов было «Беги и разнюхай»[1 - Речь идет об известной сказке Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави»]. Если у Кэролайн когда-нибудь появится свой герб, то я настаиваю, что на нем должен быть помещен именно этот зверек, стоящий на задних лапах. И при этом можно убрать первую часть девиза – Кэролайн может выяснить все, что угодно, вообще не покидая дома. Я не знаю, как ей это удастся, но дело обстоит именно так. Подозреваю, что ее разведывательным корпусом являются слуги и торговцы. Когда она выходит, то только для того, чтобы распространять информацию, а не для того, чтобы ее собирать. В этом сестра тоже достигла необычайных высот.

И именно эта ее способность вызывает у меня приступы замешательства и нерешительности. Что бы я сейчас ни сказал Кэролайн относительно смерти миссис Феррарс, это станет общественным достоянием всех жителей нашей деревни уже через полтора часа. Как профессионал, я, естественно, выступаю за сохранение врачебной тайны. Именно поэтому у меня вошло в привычку скрывать от сестры, насколько это вообще возможно, имеющуюся в моем распоряжении информацию. Правда, она все равно ее узнает, но я чувствую моральное удовлетворение от того, что это произошло не по моей вине.

Муж миссис Феррарс умер около года назад, и Кэролайн абсолютно уверена – хотя у нее нет никаких доказательств, – что его отравила собственная жена.

Она не обращает никакого внимания на мое авторитетное мнение, что причиной его смерти был острый приступ гастрита, осложненный длительным и постоянным потреблением больших доз алкоголя. Я готов согласиться, что симптомы смерти от гастрита и отравления мышьяком в чем-то схожи, но обвинения Кэролайн основываются на совсем других фактах.

– Да ты просто взгляни на нее, – неоднократно говорила мне она.

Миссис Феррарс, женщина не первой молодости, была очень привлекательной дамой, а ее одежда, хотя и простая на вид, всегда прекрасно на ней сидела. Да и вообще многие женщины покупают свою одежду в Париже, но от этого необязательно становятся убийцами собственных мужей.

Так вот, пока я стоял в прихожей и все эти мысли мелькали у меня в голове, голос Кэролайн, на этот раз более резкий, прозвучал снова.

– Ради всего святого, Джеймс, что ты там делаешь? Почему не идешь есть свой завтрак?

– Уже иду, дорогая, – поспешно ответил я. – Я просто вешал пальто.

– За это время можно было повесить полдюжины пальто. – В этом она была права, я спокойно мог это сделать.

Войдя в столовую, я, как всегда, клюнул Кэролайн в щеку и уселся перед яичницей с беконом. Еда уже успела остыть.

– У тебя был ранний вызов, – заметила Кэролайн.

– Да, – ответил я, – в «Кингс-Паддок». К миссис Феррарс.

– Я знаю, – сказала моя сестра.

– Откуда ты это знаешь?

– От Энни.

Энни – это наша горничная. Милая девочка, но невероятно болтливая.

Последовала пауза. Я продолжал есть яичницу с беконом. Кончик носа моей сестрицы, длинного и тонкого, слегка подрагивал, что случалось всегда, когда она была чем-то взволнована или хотела что-то узнать.

– Итак, – поторопила меня Кэролайн.

– Все это очень грустно. Сделать ничего было нельзя. Скорее всего, она умерла во сне.

– Я знаю, – повторила моя сестрица, и это вывело меня из себя.

– Ты не можешь этого знать, – огрызнулся я. – Я сам этого не знал, пока не увидел ее, и еще не говорил об этом ни одной живой душе. Если твоя Энни это знает, то она ясновидящая.

– Об этом мне сказала вовсе не Энни, а молочник. А ему рассказал повар Феррарсов.

Как я уже сказал, Кэролайн вовсе не надо выходить на улицу, чтобы получить нужную информацию.

– А от чего она умерла? – продолжила моя сестра. – От сердца?

– А разве молочник не говорил? – спросил я голосом, полным сарказма.

Но сарказм на мою сестрицу не действует – она ко всему относится очень серьезно и отвечает соответствующим образом.

– Он этого не знает, – пояснила она.

В любом случае это рано или поздно станет известно, так пусть сестра услышит это от меня.

– Она умерла от передозировки веронала[2 - Веронал – сильнодействующее снотворное средство.]. Принимала его в последнее время от бессонницы. И, наверное, перестаралась.

– Глупости, – немедленно среагировала Кэролайн. – Она сделала это нарочно. И не пытайся меня переубедить!

Странно, но когда ваши тайные мысли, в которых вы не хотите признаться даже самому себе, высказывает кто-то другой, то у вас это вызывает мгновенное неприятие. Я немедленно произнес возмущенный спич:

– Ну вот опять ты берешься что-то утверждать, ни в чем толком не разобравшись. С какой, скажи мне, стати миссис Феррарс совершать самоубийство? Вдова, все еще достаточно молодая и очень состоятельная, здоровая – только живи и радуйся! Это абсурд.

– Совсем нет. Даже ты мог бы заметить, что в последнее время она сама на себя была не похожа. И продолжалось это, по крайней мере, последние полгода. Согласись, что она выглядела сильно подавленной. А кроме того, ты же сам только что сказал, что она принимала снотворное.

– И каков же твой диагноз? – холодно поинтересовался я. – Наверное, несчастная любовь?

Но моя сестрица отрицательно покачала головой.

– Раскаяние, – со вкусом произнесла она.

– Раскаяние?

– Ну конечно. Ты же не хотел мне верить, когда я говорила, что она отравила мужа. А я теперь уверена в этом больше, чем когда бы то ни было.

– Мне кажется, что ты не очень логична, – возразил я. – Женщина, которая решается на такое преступление, как убийство, должна быть достаточно хладнокровна, чтобы потом иметь возможность наслаждаться его результатами. И ни о каких сантиментах, вроде угрызений совести, с ее стороны и речи быть не может.

Кэролайн покачала головой.

– Может быть, подобные женщины и существуют, но миссис Феррарс была не из таких. Вся словно комок обнаженных нервов. Минутный, но очень сильный порыв заставил ее избавиться от мужа, потому что она была женщиной, которая просто не могла переносить никакие страдания. А ты можешь быть уверен, что страданий у жены такого человека, как Эшли Феррарс, было больше, чем достаточно...

Я согласно кивнул.

– А после этого угрызения совести за содеянное не оставляли ее. Мне ее очень жалко.

Не думаю, что Кэролайн хоть чуточку жалела миссис Феррарс, когда та была жива. А теперь, когда она отошла туда, где (скорее всего) не носят платья из Парижа, Кэролайн была уже тут как тут, чтобы пожалеть и оправдать ее.

Я твердо сказал сестре, что ее идея – это абсолютная глупость.

Твердость моя объяснялась еще и тем, что сам я (тайно) был согласен с некоторыми вещами, которые она говорила. Но то, что Кэролайн дошла до всего этого путем простых умозаключений, казалось мне невозможным, и я решил не поощрять ее выводов. Она ведь сейчас отправится по деревне, высказывая свои взгляды, и люди могут подумать, что она основывается на точных данных, которые сообщил ей я...

Да, жизнь штука непростая.

– Глупости, – сказала Кэролайн в ответ на мою критику, – сам скоро увидишь. Десять против одного, что она оставила письмо, в котором во всем признается.

– Никаких писем она не оставляла, – резко ответил я, еще не понимая, к чему приведет меня это признание.

– Ах вот как! – воскликнула Кэролайн. – Значит, ты уже о нем спрашивал, правильно? Уверена, Джеймс, что в глубине души ты полностью со мною согласен. Просто ты старый обманщик.

– Никогда не надо сбрасывать со счетов возможность самоубийства, – произнес я с важностью.

– Будет досудебное расследование[3 - Процедура, которая производится в случае внезапной или насильственной смерти.]?

– Возможно. Это от многого зависит. Если я заявлю, что абсолютно уверен в том, что передозировка произошла случайно, то расследование могут отменить.

– А ты в этом абсолютно уверен? – проницательно спросила моя сестрица.

Я не ответил и встал из-за стола.

Глава 2

Кто есть кто в Кингс-Эббот

Прежде чем я продолжу рассказ о том, что сказала мне Кэролайн и что я ей ответил, думаю, будет полезно сказать несколько слов о том, что я назвал бы «обстановкой», в которой разворачивались дальнейшие события. Наша деревня, Кингс-Эббот, на мой взгляд, мало чем отличается от других английских деревень. Кранчестер, ближайший к нам город, расположен в девяти милях от нее. В деревне есть большая железнодорожная станция, маленькое почтовое отделение и два конкурирующих между собою универмага. Трудоспособные мужчины рано покидают наше захолустье, поэтому основное население деревни составляют незамужние дамы и отставные военные. Все наши хобби и развлечения можно обозначить одним словом – СПЛЕТНИ.

В Кингс-Эббот есть только два дома, достойных внимания. «Кингс-Паддок», который достался миссис Феррарс от ее усопшего супруга, и «Фернли-парк», которым владеет Роджер Экرويد. Последний всегда меня интересовал, потому что в моем представлении был абсолютным воплощением английского деревенского сквайра[4 - Сквайр (эсквайр) – почетный титул в Великобритании; в данном случае употребляется как равнозначный термину «джентльмен»]. Он напоминает мне спортсмена с багровым лицом, который всегда раньше появлялся в первом акте старинной музыкальной комедии, когда на сцене стоят декорации деревенской лужайки. Обычно он исполнял песенку о поездке в Лондон. Сейчас времена изменились, и деревенские сквайры исчезли из музыкальных произведений.

Естественно, в действительности Экройд никакой не деревенский сквайр. Он очень успешный производитель (как мне кажется) колес для железнодорожных вагонов. Ему около пятидесяти, у него красное лицо и добродушные манеры. Экройд – лучший друг местного викария, щедро жертвует на церковный приход (хотя, по слухам, довольно прижимист в обычной жизни) и поддерживает соревнования по крикету, юношеский клуб и госпиталь для солдат-инвалидов. Его вполне можно назвать жизненным центром и душой нашей мирной деревушки Кингс-Эббот.

Когда Роджеру Экройду был двадцать один год, он влюбился, а потом и женился на красивой женщине, которая была лет на шесть-семь старше его. Звали ее Пейтон, она была вдовой, и у нее имелся один ребенок. Их совместная жизнь получилась короткой и несчастной. Проще говоря, женщина оказалась запойной пьяницей. И за четыре года, прошедшие после свадьбы, умудрилась упиться до смерти.

В последующие годы Экройд не проявлял никакого желания вступить в брак вторично. Когда женщина умерла, ее сыну от первого брака исполнилось всего семь лет. Теперь ему уже двадцать пять. Экройд всегда считал его своим собственным сыном и дал ему соответствующее образование и воспитание – не его вина, что мальчишка оказался без тормозов и представлял собой источник постоянного беспокойства и проблем для своего отчима. И тем не менее все мы в Кингс-Эббот очень его любим. Хотя бы за то, что он очень привлекательный молодой человек.

Как я уже сказал, в нашей деревне все мы много и с удовольствием сплетничаем. Поэтому все сразу же заметили, что между Экройдом и миссис Феррарс возникли тесные отношения. После смерти мужа миссис Феррарс они стали еще более близкими. Их почти всегда видели вместе, и все сходились на том, что после того, как закончится период траура, миссис Феррарс станет миссис Роджер Экройд. Казалось, что во всем этом был глубокий смысл. Жена Роджера Экройда умерла от пьянства. Эшли Феррарс в последние годы перед своей смертью был законченным алкоголиком. Так что совершенно естественным выглядело то, что две эти жертвы неумеренного потребления алкоголя сойдутся и дадут друг другу то, что недополучили в объятьях своих предыдущих супругов.

Феррарсы переехали к нам жить чуть больше года назад, а вот Экройд был предметом сплетен нашего общества уже многие годы. За все те годы, пока

Ральф Пейтон рос и превращался в мужчину, в доме Экройда побывали несколько домоправительниц, и все они подвергались тщательному и пристальному обсуждению со стороны Кэролайн и ее подружек. Можно сказать, что в течение последних пятнадцати лет вся деревня ждала, когда же Экройд женится на одной из этих женщин. Последней из них была внушающая уважение леди по имени мисс Рассел, которая безраздельно царила в доме уже пять лет, то есть в два раза дольше, чем любая из ее предшественниц. Чувствуется, что, если б не появление миссис Феррарс, Экройду вряд ли удалось бы вырваться из ее лап. Кроме этого, важную роль сыграло и неожиданное появление вдовы младшего, никчемного брата Экройда. Она с дочерью прибыла из Канады и прочно расположилась в «Фернли-парк». Это, по словам Кэролайн, поставило мисс Рассел «на место».

Не знаю, что в данном случае подразумевается под словом «место» – мне оно кажется холодным и неуютным, – но я вижу, что мисс Рассел ходит теперь по деревне с поджатыми губами и с улыбкой, которую я могу описать словом «ядовитая». Ее любимая тема для разговоров – это выражение симпатии «несчастной миссис Экройд, которая полностью зависит от милости брата ее ушедшего мужа. А подачки всегда так горьки, не так ли? Я бы умерла, если б сама не зарабатывала себе на жизнь».

Не знаю, как восприняла миссис Сесил Экройд отношения между своим деверем и миссис Феррарс, когда о них узнала. Естественно, для нее выгоднее всего было, чтобы Экройд оставался холостяком. Она всегда была очень мила – если не сказать преувеличенно мила – с миссис Феррарс, когда они встречались. Правда, Кэролайн утверждает, что это абсолютно ни о чем не говорит.

Вот каковы были главные темы для сплетен в Кингс-Эббот в последние несколько лет. Сам Экройд, как и все с ним связанное, был неоднократно обсужден со всех возможных точек зрения. Миссис Феррарс тоже было найдено достойное место во всей этой конструкции.

А теперь все изменилось, и вместо неторопливых обсуждений возможных свадебных подарков мы оказались перед лицом самой настоящей трагедии.

Раздумывая над этим и другими незначительными вопросами, я отправился на свой обход. В тот период мне не попадалось никаких сложных случаев, что, наверное, было и к лучшему, так как мыслями я все время возвращался к загадке смерти миссис Феррарс. Убила ли она себя? Но, если это так, разве

не оставила бы она письма, в котором объяснила бы свои намерения? По моему собственному опыту, женщины, решившиеся на самоубийство, обычно пытаются объяснить, что привело их к этому фатальному решению. Таким образом, они помещают себя под свет рампы.

Когда я видел ее последний раз? Больше недели назад. Вела она себя абсолютно нормально, принимая во внимание... принимая во внимание то, что случилось потом.

И вдруг я неожиданно вспомнил, что видел ее только вчера, хотя и не разговаривал с ней. Она шла вместе с Ральфом Пейтоном, и это-то меня и удивило, потому что я не знал, что он находится в Кингс-Эббот. Мне казалось, что он окончательно разругался со своим отчимом, и его не видели здесь уже больше шести месяцев. Они шли, близко склонившись друг к другу, и она что-то серьезно говорила ему.

Думаю, что я смело могу сказать, что именно в этот момент мне почудились сложности, которые ожидали нас всех в будущем. Тогда в этом не было ничего конкретного – просто смутное дурное предчувствие от того, как развивалась ситуация. И этот серьезный *t?te-?-t?te*[5 - Разговор с глазу на глаз (фр.).] между Ральфом Пейтоном и миссис Феррарс в тот день вызвал у меня муторные ощущения.

Все еще размышляя об этом, я нос к носу столкнулся с Роджером Экройдом.

– Шеппард! – воскликнул он. – Как раз вы-то мне и нужны. Жуткая ситуация.

– Так, значит, вы уже все знаете?

Экرويد кивнул. Было видно, что он тяжело воспринял эти новости. Казалось, что его круглые красные щеки впали, и он едва походил на самого себя – всегда такого здорового и жизнерадостного.

– Все еще хуже, чем вам кажется, – негромко сказал он. – Послушайте, Шеппард, мне надо с вами поговорить. Вы можете сейчас пройти со мною?

– Думаю, что нет. Мне надо осмотреть еще троих пациентов, а к двенадцати я должен вернуться и принять тех, кому предстоят операции.

– Тогда, может быть, во второй половине дня?.. Или нет, давайте лучше пообедаем вместе. В полвосьмого вечера. Это вам подойдет?

– Думаю, да. А что случилось? Опять Ральф?

Не знаю, почему я это сказал – скорее всего, потому, что чаще всего это был именно Ральф.

Экройд посмотрел на меня пустыми глазами, как будто не понял, что я ему сказал. Мне пришло в голову, что где-то произошло нечто действительно ужасное. Раньше я никогда не видел Экройда таким расстроенным.

– Ральф? – непонимающе переспросил он. – Ах это!.. Нет, нет, не Ральф. Он в Лондоне... Черт побери, вот идет старая мисс Ганнет. Я не хочу говорить при ней обо всех этих ужасных делах. До вечера, Шеппард, – в семь тридцать, не забудьте!

Я кивнул, и он торопливо ушел, оставив меня в полном недоумении. Ральф в Лондоне? Но ведь накануне он был в Кингс-Эббот. Должно быть, вернулся в город вчера вечером или сегодня рано утром... И тем не менее то, как Экройд о нем говорил, произвело на меня совсем другое впечатление. Он говорил так, как будто Ральф не показывался здесь уже много месяцев.

Но времени обдумать эту ситуацию у меня не было. Мисс Ганнет набросилась на меня, желая немедленно получить информацию. Она ничем не отличается от моей сестрицы – разве что ей не хватает способностей последней делать немедленные выводы из услышанного, что возносит Кэролайн на поистине значительную высоту в своей области. Не успев перевести дыхание, женщина немедленно засыпала меня вопросами.

Разве не печально, что с бедняжкой миссис Феррарс произошло такое? Многие говорят, что она была наркоманкой со стажем. Ужасно, насколько несдержанными бывают некоторые люди. Но самое ужасное, что в подобных диких предположениях всегда есть крупица правды – ведь дыма без огня не бывает! Говорят также, что мистер Экройд узнал об этом и разорвал

помолвку – потому что они уже были помолвлены! Сама она, мисс Ганнет, уверена в этом на все сто процентов. Естественно, что вы, доктор, должны об этом знать – врачи всегда все знают, но почему-то никогда ничего не рассказывают...

Говоря все это, она не отрывала от меня взгляда своих острых, похожих на бусинки глазок, чтобы не пропустить мою реакцию на сказанное.

Именно в этот момент я, неожиданно для нее, поздравил мисс Ганнет с тем, что она не присоединилась к этим ужасным сплетням о миссис Феррарс. Мне показалось, что это прекрасный способ контратаки. Она оказалась в замешательстве и пока пыталась собраться с мыслями, я быстро удалился.

В задумчивости я вернулся домой и увидел, что возле операционной меня ждут несколько пациентов.

Освободившись, как я надеялся, от последнего из них, я на несколько минут вышел в сад, проветриться перед ланчем, и понял, что меня ожидает еще одна пациентка. Она поднялась и направилась в мою сторону. Я подждал ее с некоторым удивлением. Не знаю, чем оно было вызвано – разве тем, что мисс Рассел всегда казалась мне железной женщиной, которая находится выше всяких телесных страданий.

Домоправительница Экройда – высокая, приятная на вид женщина, хотя в ней есть что-то недружелюбное. У нее непреклонный взгляд и крепко сжатые губы; мне всегда казалось, что, будь я горничной или посудомойкой, немедленно бежал бы без оглядки, увидев ее даже мельком.

– Доброе утро, доктор Шеппард, – сказала мисс Рассел. – Я буду вам очень благодарна, если вы посмотрите мое колено.

Я взглянул на него, но, честно сказать, ничего не увидел. Рассуждения мисс Рассел о каких-то смутных болях были настолько неубедительны, что, если б речь шла о женщине с менее твердым характером, я заподозрил бы попытку симуляции. На какое-то мгновение мне пришло в голову, что мисс Рассел намеренно все это выдумала – для того, чтобы иметь возможность обсудить со мною смерть миссис Феррарс, – но вскоре я понял, что ошибаюсь. Она лишь мельком упомянула о трагедии, и не более того. И тем не менее было видно,

что она не прочь задержаться и поговорить.

– Спасибо вам большое за эту мазь, доктор, – сказала мисс Рассел, – хоть я и не верю, что она мне поможет.

Я тоже в это не верил, но запротестовал, чтобы поддержать престиж профессии. Я был уверен, что хуже от этой мази уж точно не будет, и решил не изменять раз и навсегда усвоенным правилам.

– Я вообще не верю во все эти препараты, – сказала мисс Рассел, пренебрежительно оглядывая целую батарею пузырьков на полках. – А наркотики, так те просто опасны. Вспомните, например, о кокаине.

– Если уж вы об этом вспомнили...

– А ведь он очень популярен в высшем обществе.

Я уверен, что мисс Рассел знает о высшем обществе гораздо больше меня, и поэтому не стал с нею спорить.

– Скажите, доктор, – продолжила женщина, – если вы уже стали наркоманом, можно ли это вылечить?

На такой вопрос невозможно ответить просто «да» или «нет». Мне пришлось прочитать ей небольшую лекцию, которую мисс Рассел выслушала с большим вниманием. Я все еще продолжал подозревать, что она хочет получить какую-то информацию о миссис Феррарс.

– Возьмем, например, веронал... – продолжил я.

Но, хотя это и показалось мне странным, веронал ее не заинтересовал. Вместо этого мисс Рассел заговорила о другом и спросила меня, существуют ли яды настолько редкие, что обнаружить их просто невозможно.

– Ах вот как! – сказал я. – Вижу, что вы начитались детективных романов.

Она не стала этого отрицать.

– В основе почти каждого детективного романа, – пояснил я, – лежит какой-нибудь редкий яд, желательнее из Южной Америки, о котором никто никогда не слышал. Что-то, чем забытое богом племя дикарей натирает свои стрелы. Смерть от такого яда наступает мгновенно, а западная наука не может его обнаружить. Вы это имеете в виду?

– Да. Действительно ли существуют подобные вещи?

Я с сожалением покачал головой.

– Боюсь, что все это выдумки. Хотя не надо забывать о кураре[6 - Южноамериканский стрельный яд, приготовляемый из коры растения *Strychnos toxifera* (Стрихнос ядоносный). При попадании яда в кровь жертва умирает от паралича дыхательных путей. При попадании в организм через желудочно-кишечный тракт яд безвреден.].

Я довольно долго рассказывал ей о кураре, но мисс Рассел опять потеряла всякий интерес к предмету разговора. Она спросила, есть ли в моей аптечке какой-нибудь яд, и когда я ответил отрицательно, мне показалось, что я сильно упал в ее глазах.

Я никогда не думал, что мисс Рассел увлекается детективами. Мне доставило большое удовольствие, когда я представил себе, как она отчитывает нерадивую горничную, а потом возвращается к внимательному изучению «Тайны седьмой смерти» или чего-нибудь подобного.

Глава 3

Человек, который выращивал кабачки

За ланчем я сказал Кэролайн, что обедать буду в «Фернли-парк». Сестрица не стала возражать – совсем наоборот.

– Отлично, – сказала она. – Там-то ты все и услышишь. Кстати, а что там произошло с Ральфом?

– С Ральфом? – с удивлением переспросил я. – Да вроде ничего.

– Тогда почему он живет в «Трех кабанах», а не в «Фернли-парк»?

После того как это сказала Кэролайн, я уже больше ни на минуту не сомневался, что Ральф остановился в местной гостинице.

– Экройд сообщил мне, что он в Лондоне, – поведал я. Будучи донельзя удивленным, я даже забыл о своем золотом правиле никогда не выдавать то, что мне известно.

– Ах вот как! – сказала Кэролайн. Я заметил, как ее нос шевелился, пока она все это обдумывала.

– Он появился в «Трех кабанах» вчера утром, – сообщила моя сестрица. – И он все еще там. Вчера вечером его видели с девушкой.

Это меня совсем не удивило. Можно сказать, что Ральф проводит с девушками почти все свои вечера. Меня удивило только, что он решил повеселиться в Кингс-Эббот вместо развеселого Лондона.

– С одной из официанток?

– В том-то и дело, что нет. Он сам вышел, чтобы ее встретить. Я не знаю, кто она такая (представляю, как трудно было Кэролайн сделать такое признание), но могу предположить, – продолжила моя сестрица.

Я замер в ожидании.

– Это его кузина.

– Флора Экройд? – воскликнул я в изумлении.

Естественно, что в реальности Флора Экройд не имеет к Ральфу Пейтону никакого отношения, но Экройд так долго воспринимал его как собственного сына, что их мнимое родство не вызывало никаких вопросов.

– Флора Экройд, – подтвердила моя сестра.

– Но почему, если хотел ее увидеть, он не пошел в «Фернли»?

– Они тайно помолвлены, – сообщила Кэролайн, чуть не лопааясь от удовольствия. – Старик Экройд и слышать об этом не хочет, вот им и приходится встречаться таким образом.

В теории Кэролайн было достаточно много слабых мест, но я не стал ей на них указывать. Вместо этого я сделал невинное замечание по поводу нашего соседа, и разговор пошел в другом направлении.

Соседний с нами дом, который назывался «Ларчиз», был недавно приобретен незнакомцем. К невероятному огорчению Кэролайн, она ничего не смогла узнать о нем, кроме того, что он иностранец. Разведка сестрицы потерпела полное фиаско. Этот человек, как и все остальные, пил молоко, ел овощи, изредка мясо и иногда мерлузу[7 - Сорт рыбы.], но ни один из поставщиков ничего не смог о нем сообщить.

По всей видимости, звали его мистер Пэррот[8 - Parrot (англ.) – попугай. Созвучно фамилии Пуаро (Poirot).], и в этом имени было что-то нереальное. Единственное, что о нем было известно достоверно, – это то, что он выращивает кабачки.

Однако этой информации Кэролайн было явно недостаточно. Она хотела знать, откуда он приехал, чем занимается, женат он или нет и кто его жена, есть ли у него дети, как девичья фамилия его матери и так далее.

Мне кажется, что вопросы в анкетах придумывают люди, очень похожие на мою сестру.

– Моя дорогая Кэролайн, у меня нет никаких сомнений в профессии нашего соседа. Он парикмахер на покое. Взгляни на его усы.

Кэролайн со мной не согласилась. Она заявила, что если человек был когда-то парикмахером, то у него должны быть выющиеся волосы, а не прямые. Потому что так носят все парикмахеры.

Я перечислил ей несколько парикмахеров, которых знал лично и у кого были прямые волосы, но это показалось моей сестрице малоубедительным.

– Я его совершенно не могу понять, – сказала она возбужденным голосом. – Несколько дней назад я одолжила у него садовый инвентарь, и он был сама любезность, но я ничего не смогла из него вытянуть. В конце концов я в лоб спросила его, француз ли он, и он ответил, что нет. После этого мне почему-то расхотелось задавать ему еще какие-нибудь вопросы.

Меня все больше интересовал наш таинственный сосед. Человек, способный на то, чтобы заставить замолчать мою сестрицу и отправить ее, как царицу Савскую, восвояси, так ничего и не сказав ей, должен быть личностью выдающейся.

– Мне кажется, – заметила Кэролайн, – что у него есть один из этих новомодных пылесосов...

По глазам сестры я понял, что она глубоко задумалась о том, что его тоже можно одолжить (и при этом задать еще несколько вопросов), и поэтому, воспользовавшись своим шансом, рискнул поспешно выйти в сад. Мне нравится возиться в саду. Я как раз был занят уничтожением корней одуванчиков, когда рядом раздался предостерегающий крик, и что-то тяжелое, пролетев мимо моего уха, упало к моим ногам с противным хлюпаньем. Это был кабачок!

В гневе я поднял глаза. Над краем стены, слева от меня, виднелось мужское лицо. Голова, по форме напоминающая яйцо, частично покрытая подозрительно черными волосами, два невероятных уса и пара внимательных глаз. Это был наш таинственный сосед, мистер Пэррот.

Он немедленно рассыпался в извинениях.

– Позвольте принести вам тысячи извинений, месье. Мне нет прощения. Я уже несколько месяцев выращиваю кабачки. Сегодня утром я неожиданно на них разозлился и отправил их на прогулку – увы, не только мысленно,

но и физически! Я схватил самый большой из них и бросил его через стену. Месье, мне очень стыдно. Перед вами я падаю ниц.

Услышав такие исчерпывающие извинения, я стал отходить. В конце концов несчастный кабачок меня не задел. Однако я подумал, что хорошо бы бросание больших овощей через стену не было хобби нашего соседа – ведь такая привычка вряд ли сможет внушить нам любовь к нему.

Станный маленький человечек, казалось, прочитал мои мысли.

– О нет! – воскликнул он. – Не позволяйте себе беспокоиться. Не моя это привычка. Вы ведь можете представить себе, месье, что человек трудится ради какой-то цели, работает, чтобы получить удовольствие и чем-то себя занять, а потом вдруг понимает, что не может жить без своих прошлых занятых дней и без своих старых дел, которые, как считал, он с радостью оставил позади?

– Да, – медленно согласился я. – Мне кажется, что это не такая уж большая редкость. Да я и сам пережил подобное. С год назад я получил наследство, достаточное для того, чтобы претворить в жизнь свою мечту. Мне всегда хотелось попутешествовать и посмотреть мир. Так вот, это случилось уже год назад, а я все еще здесь.

Мой маленький сосед согласно кивнул.

– Цепи привычки. Мы работаем, чтобы чего-то достичь, а достигнув, понимаем, что самым важным для нас была именно эта работа. Заметить хочу вам, месье, что у меня была интересная работа. Самая интересная в мире.

– Правда? – участливо переспросил я, на минуту почувствовав себя Кэролайн.

– Изучение человеческой природы, месье!

– Не больше и не меньше, – мягко заметил я.

Несомненно, он парикмахер на покое. Кто, кроме парикмахера, может лучше знать человеческую природу?

– А еще у меня был друг, который вместе со мною провел очень много лет. И, несмотря на идиотизм его, который меня иногда пугал, был он мне очень близок. Можете себе представить, как сейчас я скучаю даже по его глупости. Его наивность, его честный взгляд на мир, возможность удивлять и восхищать его своими сверхспособностями – всего этого мне не хватает больше, чем описать я это могу.

– Ваш друг умер? – поинтересовался я с сочувствием.

– Не так. Он живет и процветает – но на другой стороне земного шара. Он сейчас в Аргентине.

– В Аргентине, – с завистью повторил я.

Мне всегда хотелось побывать в Южной Америке. Я вздохнул, а подняв глаза, увидел, что мистер Пэррот с симпатией смотрит на меня. Казалось, что этот маленький человечек все очень хорошо понимает.

– Вы туда поедете, да? – спросил он.

– Я мог бы, – ответил я, – год назад. Но я оказался дураком и даже хуже – жадиной. И я решил выбрать синицу в руках, а не журавля в небе.

– Вас я понимаю, – произнес мистер Пэррот. – Вы купили акции?

Я с грустью кивнул, но в душе я испытывал удовольствие от беседы. Этот странный маленький человечек был зловеще серьезен.

– Случайно, не нефтяного прииска на Поркьюпайн[9 - Поркьюпайн – река на севере Канады и США (Аляска).]? – неожиданно спросил он.

Я удивленно посмотрел на него.

– Странно, но я действительно о них думал. Правда, потом я остановился на золотой жиле в Западной Австралии.

Мой сосед рассматривал меня со странным выражением лица, которое я никак не мог определить.

– Это Судьба, – произнес он наконец.

– Что за Судьба? – с раздражением спросил я.

– Что я живу по соседству с человеком, который серьезно рассматривал покупку акций нефтяного прииска на Поркьюпайн и Западно-Австралийской золотой компании. Скажите мне, вы тоже испытываете влечение к золотисто-каштановым волосам?

Я уставился на него, широко раскрыв рот, и он рассмеялся.

– Нет, нет, я не страдаю от душевного расстройства. Расслабьтесь. Я задал вам глупый вопрос, потому что тот мой друг, о котором я вам рассказывал, был молодым человеком, который считал всех женщин как минимум хорошенькими, а в основном красивыми. Но вы человек средних лет, врач, который постиг все секреты и сложности нашей жизни... Ну что же, мы оказались соседями. Вас умоляю принять в подарок для вашей изумительной сестры мой лучший кабачок.

Он с глубоким поклоном вручил мне громадный образчик вышеупомянутого представителя флоры, который я в той же манере принял.

– Вот уж действительно, – радостно сказал маленький человечек, – утро не прошло зря. Я познакомился с человеком, который напоминает мне моего далекого друга... Хотелось бы, кстати, спросить вас вот о чем – вы, без сомнения, знаете всех в этой деревеньке? Кто этот молодой человек с красивым лицом, очень темными глазами и вьющимися волосами? Он ходит с откинутой назад головой и беззаботной улыбкой на устах.

Я сразу же понял, кого он имеет в виду.

– Это, скорее всего, капитан Ральф Пейтон, – медленно произнес я.

– Я ведь раньше здесь его не видел?

– Конечно. Его не было здесь какое-то время. Но он сын – приемный сын – мистера Экройда из «Фернли-парк».

Мой сосед сделал короткий, нетерпеливый жест.

– Ну конечно. Догадаться должен был я сам. Мистер Экройд часто о нем рассказывал.

– А вы знаете мистера Экройда? – спросил я, слегка удивленный.

– Мистер Экройд знал меня в Лондоне, когда я там работал. Я попросил его ничего не рассказывать здесь о моей профессии.

– Понятно, – сказал я, сильно удивленный снобизмом моего собеседника, как я подумал в тот момент.

Но маленький человечек продолжил с высокопарной и самодовольной улыбкой:

– Предпочитаю сохранять инкогнито. Извест-ность мне совсем ни к чему. Я даже не стал исправлять местный вариант произношения своего имени.

– Ну конечно, – сказал я, не зная, что положено говорить в таких случаях.

– Капитан Ральф Пейтон, – промурлыкал мой сосед. – И он помолвлен с племянницей мистера Экройда, очаровательной мисс Флорой...

– Кто вам это сказал? – спросил я, сильно удивившись.

– Мистер Экройд. С неделю назад. Он очень доволен – уже очень давно мечтал об этом, как я понял из его рассказа. Мне даже кажется, что он слегка надавил на молодого человека. Думаю, что это не очень умно. Молодые люди должны жениться в свое удовольствие, а не для того, чтобы доставить удовольствие своему отчиму, с которым у них связаны определенные ожидания.

Я не знал, что и подумать. Не мог себе представить Экройда, ведущего доверительные беседы с парикмахером и обсуждающего с ним женитьбу своего приемного сына и племянницы. Экройд всегда очень благородно относился

к людям ниже его по общественному положению, но никогда не забывал о чувстве собственного достоинства. Я начал задумываться о том, что мистер Пэррот может и не быть парикмахером.

Чтобы как-то скрыть свое смущение, я задал первый вопрос, который пришел мне в голову:

– А почему вы обратили внимание на Ральфа Пейтона? Потому что он красив?

– Нет, не только поэтому, хотя по английским стандартам он очень красив – таких ваши писательницы обычно называют Греческим Богом... Нет, в этом молодом человеке есть что-то, чего я не понимаю.

Последнюю фразу мой сосед произнес мурлыкающим тоном, который произвел на меня незабываемое впечатление. Казалось, он дает оценку этому молодому человеку в соответствии со стандартами, которые мне в отличие от него неизвестны. Именно это я и запомнил, потому что в следующий момент раздался голос моей сестрицы, которая звала меня в дом.

Когда я вошел, Кэролайн была еще в шляпке – по-видимому, она только что вернулась из деревни.

– Я встретила мистера Экройда, – произнесла сестра без всякой преамбулы.

– Правда? – спросил я.

– Естественно, я его остановила, но мне показалось, что он торопился и хотел как можно быстрее от меня избавиться.

В этом я ничуть не сомневался. К Кэролайн он испытывал те же чувства, что я к мисс Ганнет утром, а может быть, даже более сильные. Но от Кэролайн не так легко избавиться.

– Я сразу же спросила его о Ральфе. Он был совершенно потрясен. У него не было никакой информации, что мальчик здесь. Более того, он сказал, что я, скорее всего, ошиблась. Я! ОШИБЛАСЬ!

- Какая глупость! Пора бы ему знать тебя получше.
- А потом он рассказал мне, что Ральф и Флора помолвлены.
- Я об этом тоже знаю, – прервал я ее со скромной гордостью.
- А кто тебе сказал?
- Наш новый сосед.

Было видно, что Кэролайн пошатнулась, словно увидела, как шарик рулетки застрял между двумя номерами.

- Я сказала мистеру Экройду, что Ральф живет в «Трех кабанах».
- Кэролайн, – поинтересовался я, – а тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь многое напортить этой своей привычкой повторять все без всякого разбора?
- Глупости, – отмахнулась от меня моя сестрица. – Люди должны знать факты. И я считаю своим долгом доносить их до людей. Мистер Экرويد был мне очень благодарен.
- Ну что ж... – сказал я, потому что видел, что это еще не конец.
- Мне показалось, что он напрямик направился в «Три кабана», но если это так, то Ральфа он там не застал.
- Не застал?
- Не застал, потому что, когда я возвращалась через лес...
- Возвращалась через лес? – переспросил я.

Моей сестрице хватило ума слегка покраснеть.

– День сегодня просто великолепный, – воскликнула она. – И я решила сделать небольшой кружок. Лес в своем желтом наряде выглядит просто потрясающе в это время года.

Лес в любое время года совершенно не интересует мою сестрицу. Обычно она смотрит на него как на место, где можно промочить ноги и где масса разных не очень приятных предметов может свалиться на голову. Нет, на этот раз ее завел туда именно тот самый инстинкт мангуста. Ведь этот лес рядом с деревней – единственное место, где можно никем не замеченным переговорить с молодой девушкой. Кроме того, он примыкает к парку усадьбы «Фернли».

– Ну что же ты, – сказал я, – продолжай.

– Так вот, как я уже сказала, я как раз возвращалась по лесу, когда услышала голоса...

Кэролайн замолчала.

– И что же дальше?

– Один голос принадлежал Ральфу Пейтону – его я сразу же узнала. Вторым голос был женский. Ты же понимаешь, что я не собиралась подслушивать...

– Ну конечно, – прервал я ее голосом, исполненным сарказма, на который она опять не обратила никакого внимания.

– Но я просто не могла не услышать. Девушка что-то сказала – что именно, я не расслышала, – и Ральф ей ответил. Было слышно, что он очень зол. «Милочка моя, – сказал он, – разве ты не видишь, что старик оставит меня без гроша? За последние несколько лет я его здорово достал. Еще чуть-чуть, и конец. А денежки нам очень нужны. Когда старик откинется, я стану очень богатым человеком. Он редкостный скупердяй, но денег у него куры не клюют. И я не хочу, чтобы он изменил свое завещание. Оставь все это мне и ни о чем не беспокойся». Это его точные слова. Я их очень хорошо запомнила. К сожалению, в этот момент я наступила на сухую ветку или что-то в этом роде – они стали говорить тише и отошли в сторону. Бежать за ними я не могла, поэтому так и не узнала, кто была эта девушка.

– Думаю, что ты здорово разозлилась, – предположил я, – и сразу же бросилась в «Три кабана», где тебе внезапно стало плохо и ты зашла в бар выпить бренди. Так ты смогла убедиться, что обе официантки на месте.

– Это была не официантка, – без колебаний сказала сестра. – Я почти уверена, что это была Флора Экройд, вот только...

– Вот только в этом нет никакого смысла, – согласился я.

– Но если это была не Флора, то кто же тогда?

И моя сестрица стала быстренько перебирать девушек, живущих в округе, взвешивая все «за» и «против». Когда она остановилась, чтобы перевести дух, я пробормотал что-то невразумительно насчет пациента и исчез.

Я решил прогуляться до «Трех кабанов». Ральф Пейтон к этому времени должен был уже вернуться.

Ральфа я знал очень хорошо, лучше всех в Кингс-Эббот. Раньше я знал и его мать, поэтому хорошо понимал в нем то, что приводило других в замешательство. В какой-то степени Ральф был жертвой наследственности. К счастью, он не унаследовал пристрастия своей матери к алкоголю, но все равно была в нем какая-то слабость. Как сказал мой утренний знакомый, Ральф был очень красив. Шести футов ростом, идеально сложенный, с грацией атлета, он унаследовал от матери темные волосы и приятное загорелое лицо, которое в любой момент было готово расплыться в улыбке. Ральф Пейтон принадлежал к категории людей, которые легко и без усилий очаровывают других. Он был себялюбив и экстравагантен и ни перед кем и ни перед чем на земле не преклонялся, однако все его любили, и его друзья были ему очень верны.

«Смогу ли я что-нибудь с ним сделать?» – размышлял я на ходу.

Когда я пришел в гостиницу, мне сказали, что капитан Пейтон только что появился. Я поднялся к нему в комнату и без предупреждения вошел.

На какой-то момент, после всего того, что видел и слышал, я заволновался о том, как он меня примет, но мои волнения оказались напрасными.

– Да это же Шеппард! Рад вас видеть. – Он пошел мне навстречу с протянутой рукой и солнечной улыбкой на лице. – Вот единственный человек, которого я с удовольствием вижу в этом богом забытом месте.

– А место-то здесь при чем? – приподнял я брови.

– Долго рассказывать, – ответил он с раздраженным смешком. – У меня есть некоторые проблемы, доктор. Но прошу вас, выпейте что-нибудь.

– Благодарю, – сказал я. – С удовольствием.

Ральф позвонил, а потом бросился в ближайшее кресло.

– Чтобы все было ясно с самого начала, – мрачно произнес он, – я влип по самую макушку. Честно говоря, я не представляю, что мне теперь делать.

– А в чем дело? – с симпатией спросил я у него.

– В моем сбитом с толку отчине.

– И что же он натворил?

– Дело не в этом, а в том, что он собирается натворить.

Появился официант, и Ральф сделал заказ. Когда халдей исчез, он опять уселся в кресло, нахмурившись.

– И что, это действительно серьезно? – поинтересовался я.

Юноша кивнул.

– На этот раз я здорово попал, – мрачно признался он.

Не свойственная ему серьезность в голосе подсказала мне, что он говорит правду.

– Честно говоря, – продолжил Ральф, – я не понимаю, куда двигаться дальше...
Будь я проклят, если мне это известно.

– Если я могу чем-то помочь... – с готовностью предложил я.

Но он очень решительно покачал головой.

– Спасибо, доктор, но я не могу вам ничего рассказать. В эту игру я должен сыграть в одиночку. – Помолчал, а потом повторил уже другим тоном: – Да, я должен сыграть в одиночку...

Глава 4

Обед в «Фернли-Парк»

I

Было чуть меньше половины восьмого, когда я позвонил в парадную дверь «Фернли-парк». Дверь была открыта дворецким Паркером с похвальной быстротой.

Вечер был настолько хорош, что я решил прогуляться пешком. Когда я вошел в большой квадратный холл дома, Паркер освободил меня от легкого пальто. Именно в этот момент секретарь Экройда, приятный молодой человек, которого звали Реймонд, прошел через холл с кучей бумаг, направляясь в кабинет хозяина.

– Добрый вечер, доктор. Пришли на обед? Или по делам?

Последнее было намеком на мой черный саквояж, который я поставил на дубовый сундук.

Я объяснил, что меня в любое время могут вызвать на роды, поэтому я пришел, готовый к срочному вызову. Реймонд кивнул и пошел своей дорогой, бросив мне

через плечо:

– Вы знаете, где находится гостиная. Дамы спустятся через минуту. Я должен отнести эти бумаги мистеру Экройду и предупрежу его, что вы пришли.

При появлении Реймонда Паркер исчез, поэтому я остался в холле в одиночестве. Посмотревшись в большое зеркало, висевшее на стене, поправил галстук и прошел к двери прямо перед собой, которая, как я знал, вела в гостиную.

В тот момент, когда я поворачивал дверную ручку, из комнаты послышался какой-то шум – мне показалось, что кто-то захлопнул окно. Должен сказать, что отметил я его чисто механически, не думая в то время, что это может оказаться важным.

Я открыл дверь и вошел. В дверях я почти столкнулся с мисс Рассел, которая как раз выходила из комнаты. Мы оба извинились друг перед другом.

Первый раз в жизни мне пришло в голову, что в молодости домоправительница была, должно быть, красивой женщиной – она и сейчас, без всяких сомнений, была таковой. В ее темных волосах еще не было видно седины, и когда на ее щеках играл румянец, то взгляд терял свою обычную строгость.

Совершенно подсознательно я задумался, выходила ли она на улицу – дыхание женщины было учащенным, как будто она только что бежала.

– Боюсь, что я пришел на несколько минут раньше, – сказал я.

– Да нет, я так не думаю! Сейчас уже больше половины восьмого, доктор Шеппард... – И после паузы она добавила: – Я... я не знала, доктор, что вы сегодня обедаете у нас. Мистер Экройд ничего мне не сказал.

У меня появилось смутное впечатление, что мое присутствие на обеде чем-то ее расстроило, но я не мог понять, чем именно.

– Как ваше колено? – поинтересовался я.

– Благодарю вас, доктор, без изменений. А теперь мне надо идти. Через минуту спустится миссис Экройд. Я... я просто пришла проверить, правильно ли расставлены цветы.

Она быстро вышла из комнаты. Я направился к окну, размышляя над ее очевидным желанием каким-то образом оправдать свое присутствие в комнате. Подойдя к окну, я увидел то, что должен был бы знать уже давно, если б дал себе труд обратить на это внимание, а именно – окна в гостиной были высокими, французскими, и выходили они на террасу. Поэтому тот звук, который я услышал, не мог быть звуком захлопываемого окна.

Совершенно бесцельно, больше стараясь отвлечь себя от грустных мыслей, я стал размышлять над тем, что же могло вызвать услышанный мною звук. Треск горящего угля? Нет, звук был на него совсем не похож. Задвигаемый ящик бюро? Опять не то...

Потом мой взгляд упал на то, что, по-моему, называют музейной витриной, – столик с поднимающейся стеклянной крышкой, через которую можно было видеть, что в нем находится. Я подошел к нему и стал изучать содержимое. В нем находились один или два предмета из старинного серебра, детский ботиночек, по преданию принадлежавший королю Карлу I, несколько китайских фигурок из нефрита и довольно большое количество африканских безделушек. Я захотел рассмотреть одну из нефритовых фигурок повнимательнее и поднял крышку. Она выскользнула у меня из рук и упала назад.

Я немедленно узнал тот звук, который слышал ранее. Это был звук крышки музейной витрины, которую осторожно и аккуратно закрыли. Пару раз я открыл и закрыл ее, чтобы убедиться в этом окончательно. После этого я оставил крышку открытой и стал внимательно изучать содержимое витрины.

Когда Флора Экройд вошла в комнату, я все еще стоял, наклонившись над экспонатами.

Многие люди не любят Флору Экройд, но даже они не могут ею не восхищаться. А со своими друзьями она может быть совершенно очаровательной. Если вы видели ее впервые, то в глаза вам сразу же бросалась ее необычная красота. У нее бледно-золотистые волосы, которые чаще встречаешь у жительниц Скандинавии, а глаза голубые, как норвежские фьорды. Кремовая кожа с легким

румянцем, угловатые мальчишеские плечи и изящные бедра. Измученному своей работой врачу всегда приятно столкнуться с таким идеальным образчиком здоровья.

В общем, я могу быть немного старомоден, но назвать ее «простой и бесхитростной английской девушкой» мне бы и в голову не пришло.

Флора тоже подошла к витрине и высказала еретическую по своей сути мысль о том, что король Карл I никогда не носил этого ботиночка.

– И вообще, – продолжила мисс Флора, – мне кажется глупостью поднимать шум вокруг той или иной вещи только потому, что кто-то ее носил или пользовался ею. Ведь сейчас они этим уже не пользуются... Взять хотя бы перо, которым Джордж Эллиот написал свою «Мельницу на Флоссе»[10 - Роман Дж. Эллиотта, впервые опубликованный в 1860 г.] – ведь в конечном счете это просто перо, и ничего больше. Если вы так уж без ума от Джорджа Эллиота, то почему не купить дешевое издание «Мельницы на Флоссе» и просто не прочитать его?

– Думаю, мисс Флора, что вы никогда не читаете такое старье?

– Вы ошибаетесь, доктор Шеппард, – это одно из моих любимых произведений.

Я был приятно удивлен, услышав это. То, что в наши дни читают молодые женщины и чем они восторгаются, положительно приводит меня в ужас.

– А вы еще не поздравили меня, доктор Шеппард, – сказала Флора. – Разве вы ничего не слышали?

Она протянула мне свою левую руку. На безымянном пальце сверкала одинокая жемчужина в изумительной оправе.

– Знаете, я выхожу замуж за Ральфа, – продолжила девушка. – Дядя очень доволен. Сами понимаете, таким образом я не покину семью.

Я взял ее за руки и произнес:

– Дорогая моя, надеюсь, что вы будете очень счастливы.

– Мы помолвлены уже месяц, – от голоса Флоры веяло прохладой, – но огласили помолвку только вчера. Дядя собирается привести в порядок «Кросс-Стоунз», и мы будем там жить. Будем притворяться, что занимаемся фермерским хозяйством, а в действительности будем охотиться зимы напролет, переезжать в город на время сезона, а потом плавать на яхте. Я обожаю море. И, естественно, буду заниматься благотворительностью и не пропущу ни одного собрания матушек[11 - Так в Англии иногда называют регулярные собрания в церкви по церковным и конфессиональным вопросам.].

Именно в этот момент появилась миссис Экройд и рассыпалась в извинениях за свое опоздание.

С сожалением должен признать, что я не люблю миссис Экройд. Кажется, что она состоит из сплошных цепочек, зубов и костей. Невероятно неприятная женщина. У нее маленькие выцветшие жесткие голубые глазки, и как бы она ни фонтанировала словами, эти ее глазки всегда остаются холодными и подозрительными.

Оставив Флору у окна, я подошел к ней. Она протянула мне для пожатия горсть своих костей и колец и немедленно заговорила.

Слышал ли я уже о помолвке Флоры? Все так удачно складывается. Эти двое влюбились друг в друга с первого взгляда. Идеальная пара – он черноволосый, а она такая белокурая...

– Не могу передать вам, доктор Шеппард, какое облегчение я испытываю как мать.

Миссис Экройд глубоко вздохнула, наглядно продемонстрировав это облегчение, в то время как ее глаза продолжали проницательно рассматривать меня.

– Мне вот что пришло в голову: вы ведь такой старый друг милого Роджера... Все мы знаем, как он прислушивается к вашим словам. А для меня, вдовы бедняжки Сесила, все это так сложно... Все эти ужасные вещи – вопросы наследования, брачный контракт и все такое... Я уверена, что Роджер собирается выделить Флоре ежегодное содержание, но вы же согласитесь со мной, что он ч?у?у?ть-чуть странно ведет себя во всем, что касается денег.

Я слышала, что подобное встречается среди этих капитанов индустрии. Так вот, я и подумала – может быть, вы сможете наставить его на путь истинный? Флора так вас любит. Мы тоже считаем вас нашим старым другом, хотя и знаем вас немногим более двух лет...

Монолог миссис Экройд прервался, когда дверь распахнулась еще раз. Честно сказать, я был этому рад. Я ненавижу вмешиваться в дела других людей и поэтому не имел ни малейшего желания обсуждать с Экройдом ежегодное содержание Флоры. И если б дверь не открылась, мне пришлось бы прямо сказать об этом миссис Экройд.

– Вы ведь знакомы с майором Блантом, не так ли, доктор?

– Конечно, – ответил я.

Майора Бланта знают многие – по крайней мере, слышало о нем множество людей. Он убил больше диких животных в самых экзотических уголках земли, чем любой другой из живущих. Когда вы упоминаете его имя, то люди обычно говорят: «Блант – вы же не об этом специалисте по крупным диким животным?»

Его дружба с Экройдом всегда несколько смущала меня. Они были абсолютно разными. Гектор Блант, по-видимому, лет на пять моложе Экройда. Они подружились много лет назад, и хотя и пошли разными дорогами в жизни, дружба эта продолжается и по сей день. Каждые два года Блант проводит пару недель в «Фернли», и громадный череп какого-то экзотического животного в окружении множества различных рогов, который вы видите, входя в дом, является доказательством этой дружбы.

Блант вошел в комнату своей особой, целеустремленной, но почти неслышной походкой. Он человек среднего роста, довольно коренастый и крепко сбитый. Лицо у него цвета красного дерева и абсолютно лишено каких-либо эмоций. Глядя на его серые глаза, можно подумать, что он все время внимательно следит за чем-то, что происходит где-то далеко-далеко. Говорит он мало, а когда говорит, то делает это прерывисто, как будто произнесение слов требует от него дополнительных усилий.

– Добрый вечер, Шеппард, – произнес он в своей привычной манере да так и остался стоять перед камином, глядя поверх наших голов, как будто увидел,

что где-то в Тимбукту[12 - Город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер.] происходит что-то страшно интересное.

– Майор Блант, – сказала Флора, – я бы хотела, чтобы вы рассказали мне об этих африканских безделушках. Уверена, что вы все о них знаете.

Я слышал, что о Гекторе Бланте говорили как о женоненавистнике, но он подошел к Флоре с тем, что я бы назвал готовностью. Они вместе склонились над витриной.

Я боялся, что миссис Экройд вновь начнет говорить о денежных вопросах, поэтому, в свою очередь, заговорил о новом сорте душистого горошка. Я узнал о нем из «Дейли мейл» только сегодня утром. Миссис Экройд ничего не понимает в садоводстве, но любит казаться хорошо информированной женщиной и тоже читает по утрам «Дейли мейл». Так что мы вели с ней вполне светскую беседу, пока не появился Экройд в сопровождении своего секретаря. Сразу же после этого Паркер объявил, что обед подан.

За столом я сидел между миссис Экройд и Флорой. Блант сидел по другую руку от миссис Экройд, а Джоффри Реймонд расположился рядом с ним.

Обед был не слишком веселым – было очевидно, что Экройд думает о чем-то своем. Он выглядел измученным и почти ничего не ел. Миссис Экройд, Реймонд и я поддерживали беседу. Флора, казалось, находилась под влиянием настроения своего дяди, а Блант привычно молчал.

II

Сразу же после обеда Экройд взял меня под руку и повел к себе в кабинет.

– После того как нам подадут кофе, нас никто больше не побеспокоит. Я попросил Реймонда проследить за этим.

Я тайком внимательно посмотрел на него. Было ясно, что он находится под влиянием сильного эмоционального возбуждения. Пару минут хозяин дома мерил шагами комнату, а потом, когда появился Паркер с кофе, опустился в кресло перед камином.

Комната, в которой находился кабинет, была очень удобной. Одну из ее стен от пола до потолка заставили книжными полками. Обитые синей кожей кресла были большими и комфортными. На крышке большого рабочего стола, стоявшего около окна, лежали бумаги, аккуратно разложенные по пачкам. На круглом журнальном столике разместились журналы и спортивные газеты.

– У меня опять начались боли после еды, – спокойно заметил Экرويد, наливая себе кофе. – Вы должны дать мне эти ваши таблетки.

Меня удивило, что он пытался представить наш разговор как беседу на медицинские темы, но я подыграл ему.

– Я так и подозревал и захватил лекарства с собой.

– Вот и отлично. Дайте мне их, пожалуйста.

– Они в моем саквояже в холле. Сейчас я их принесу.

Но Экرويد остановил меня.

– Не беспокойтесь, Паркер все сделает... Прошу вас, Паркер, принесите саквояж доктора.

– Сию минуту, сэр.

Дворецкий покинул комнату, и я уже хотел было заговорить, но Экرويد жестом остановил меня.

– Подождите минутку. Разве вы не видите, что я настолько взвинчен, что с трудом сдерживаюсь?

Это было видно невооруженным глазом, и я тоже стал нервничать. Меня одолевали дурные предчувствия.

Почти сразу же Экرويد вновь заговорил.

– Прошу вас, проверьте, закрыто ли окно, – попросил он меня.

Удивленный, я встал и подошел к окну. Оно было не французским, а обыкновенной фрамугой, задернутой тяжелыми синими вельветовыми шторами; ее верхняя часть была открыта.

Я все еще стоял у окна, когда вернулся Паркер с моим саквояжем.

– Спасибо, – сказал я, отходя внутрь комнаты.

– Вы заперли окно на щеколду?

– Да, да. Что с вами происходит, Экройд?

Дверь за Паркером только что закрылась, иначе бы я не посмел задать такой вопрос.

Экройд помолчал минуту, прежде чем ответить.

– Я чувствую себя так, будто я в аду, – медленно произнес он. – Нет, нет, мне не нужны ваши дурацкие таблетки. Я заговорил о них только из-за Паркера. Слуги так любопытны... Подойдите и сядьте. Дверь тоже закрыта, правда?

– Да. Не волнуйтесь, нас никто не сможет подслушать.

– Шеппард, никто не знает, что мне пришлось пережить за последние двадцать четыре часа. Если когда-нибудь дом человека рушился прямо над его головой – так это обо мне. То, что произошло с Ральфом, – это последняя капля. Но мы сейчас не будем об этом. Я о другом... о другом! Я не знаю, что мне с этим делать, а решение надо принять безотлагательно.

– А в чем дело?

Экройд молчал несколько минут. Казалось, что он никак не может решиться начать. Когда же Роджер начал, то вопрос, который он мне задал, застал меня врасплох. Такое я ожидал услышать в самую последнюю очередь.

– Шеппард, ведь это вы лечили Эшли Феррарса перед его смертью?

– Совершенно верно.

Следующий вопрос дался ему с еще большим трудом.

– А вы никогда не подозревали... то есть вам никогда не приходило в голову, что его отравили?

На несколько минут я потерял дар речи. Потом все же решился – Роджер Экройд не был моей сестрой.

– Скажу вам всю правду, – ответил я. – В тот момент у меня не возникло никаких подозрений, но потом... Пустая болтовня моей сестрицы заставила меня об этом задуматься. И с тех пор я не перестаю об этом думать. Но, хочу заметить, никаких фактов подозревать отравление у меня нет.

– Так вот, он был отравлен, – сказал Экройд.

У него был тяжелый и бесцветный голос.

– И кем же? – резко спросил я.

– Своей женой.

– Откуда вы это знаете?

– Она сама мне об этом сказала.

– Когда?

– Вчера... Боже мой, вчера! А кажется, что прошло уже лет десять!

Я ничего не сказал, и он продолжил:

– Вы понимаете, Шеппард, что все это должно остаться между нами, не должно выйти за стены моего кабинета. Мне нужен ваш совет – я не могу один тащить все это на себе. Как уже сказал, я не представляю, что делать.

– А вы можете рассказать мне всю историю? – попросил я. – Пока я мало что понимаю. Как миссис Феррарс вам в этом призналась?

– Вот как все произошло. Три месяца назад я сделал миссис Феррарс предложение. Она мне отказала. Я предложил во второй раз, и она согласилась – правда, запретила мне объявлять о помолвке, пока не закончится год ее траура. Вчера я нанес ей визит и сообщил, что со времени смерти ее мужа прошел уже год без трех недель и что не имеет смысла скрывать далее нашу помолвку. Я уже несколько дней видел, что она довольно странно себя ведет. И вот вчера, совершенно неожиданно, без всякой на то причины, она полностью раскололась. И... и все мне рассказала. О своей ненависти к этому животному – своему мужу, о своей растущей любви ко мне и том, какие жуткие шаги она предприняла. Яд! Бог мой! Это было абсолютно хладнокровное убийство.

На лице Экройда я видел ужас и отвращение. Наверное, миссис Феррарс тоже их увидела. Экройд не относится к типу тех мужчин, которые из-за любви готовы простить все, что угодно. В основе его характера лежит гражданская добропорядочность. Все, что в нем было законопослушного и надежного, должно быть, восстало против этой женщины в момент ее откровений.

– Да, – продолжил он негромким, монотонным голосом, – она призналась во всем. У меня создалось впечатление, что об этом знал еще один человек, который стал ее шантажировать, требуя громадные деньги. Вот это и сводило ее с ума.

– И кто же это был?

Перед глазами у меня вдруг появилась картинка Ральфа Пейтона и миссис Феррарс, идущих совсем рядом. Их головы тесно сдвинуты. На мгновение я почувствовал тревогу. Если только представить себе... нет, это совершенно невозможно. Я вспомнил, с какой открытостью говорил со мной Ральф. Полный абсурд!

– Она не назвала его имени, – медленно произнес Экройд. – Более того, даже не сказала, что это был мужчина. Но, конечно...

– Конечно, – согласился я, – это должен быть мужчина. Вы кого-нибудь подозреваете?

Вместо ответа Экройд застонал и обхватил голову руками.

– Не могу, – сказал он. – Я теряю разум, просто думая об этом... Нет, я даже не буду высказывать вам эту дикую мысль, которая пришла мне в голову. Хотя вот что я вам скажу: нечто в ее словах заставило меня подумать, что этот человек относится к моему домашнему кругу... но ведь это невероятно! Должно быть, я ее неправильно понял.

– И что вы ей сказали?

– А что я мог сказать? Естественно, она увидела, какой это был для меня шок. Ведь сразу же возникал вопрос: что я должен делать в этом случае? Понимаете, она сделала меня соучастником уже свершившегося факта. И поняла все это быстрее, чем я, – так мне кажется. Я был совершенно ошарашен, понимаете? Она попросила дать ей двадцать четыре часа – взяла с меня слово, что до конца этого времени я не предприму никаких шагов. И она абсолютно твердо отказалась назвать имя негодяя, который ее шантажировал. Думаю, попросту боялась, что я немедленно с ним разберусь и тогда, по ее мнению, попаду в сложную ситуацию. Она сказала, что я получу весточку еще до того, как истекнут двадцать четыре часа... Боже мой, Шеппард, клянусь, что я и не подозревал, что она собирается сделать. Самоубийство! И я довел ее до этого...

– Нет, нет, – ответил я. – Не надо так все преувеличивать. Вы совершенно не виновны в ее смерти.

– Вопрос в том, что мне делать теперь? Бедняжка умерла. К чему ворошить прошлое?

– Соглашусь с вами, – кивнул я.

– Но есть и еще один момент. Как мне добраться до этого мерзавца, который довел ее до смерти? Он знал о первом преступлении – и вцепился в него, как какой-то мерзкий стервятник. Она заплатила за все. Так что же, он так

и останется ненаказанным?

– Понимаю. – Я говорил очень медленно. – Вы хотите ему отомстить? Но ведь это приведет к ненужной огласке, вы меня понимаете?

– Да, я подумал об этом. Я уже давно прокручиваю это у себя в голове.

– Я согласен с вами в той части, что мерзавец должен быть наказан, но не надо забывать о цене этого наказания.

Экرويد встал и прошелся по комнате, потом опять опустился в кресло.

– Послушайте, Шеппард, а что, если мы оставим все как есть? И если от нее не будет никаких известий, то пусть все будет как будет.

– А что вы имеете в виду, говоря об известиях от нее? – любопытствовал я.

– У меня очень сильное подозрение, что где-то... как-то... она оставила для меня послание, прежде чем умерла. Это только предположение, но я ничего не могу с собой поделать.

Покачивая головой, я уточнил:

– Но она ведь не оставила ни письма, ни какой-нибудь записки?

– Шеппард, я уверен, что она это сделала. Более того, я чувствую, что, совершив самоубийство, она хотела, чтобы все это стало известно широкой публике – хотя бы для того, чтобы отомстить человеку, который довел ее до такого отчаяния. Я верю, что если б я в тот момент был рядом, то она назвала бы его и умоляла бы меня во что бы то ни стало отомстить ему... – Экرويد посмотрел на меня. – Вы верите в предчувствия?

– В какой-то степени. Особенно если, как вы говорите, от нее должна быть весточка...

Я замолчал. Дверь бесшумно открылась, и в кабинет вошел Паркер с подносом, на котором лежало несколько писем.

– Вечерняя почта, сэр, – объявил он, протягивая поднос Экройду, затем собрал пустые чашки и удалился.

Мое внимание, на мгновение отвлеченное появлением дворецкого, опять вернулось к Экройду. Окаменев, он смотрел на длинный голубой конверт. Остальные письма упали на пол.

– Это ее почерк, – прошептал Экرويد. – Она, должно быть, отправила его как раз перед тем... перед тем, как...

Он разорвал конверт и вынул пачку исписанных листов. Неожиданно резко поднял глаза и спросил:

– Вы уверены, что окно закрыто?

– Абсолютно уверен, – удивленно ответил я. – А в чем дело?

– Весь вечер у меня странное ощущение, что за мной наблюдают, шпионят... А это что?..

Он резко повернулся, и я последовал его примеру. Мы оба почувствовали, что щеколда двери слегка подвинулась. Я подошел к двери и распахнул ее. За нею никого не было.

– Нервы, – пробормотал Экرويد про себя.

Он расправил пачку листов и стал читать низким голосом:

Мой дорогой, мой самый дорогой Роджер.

Жизнь есть жизнь – сегодня я прочитала это в твоих глазах. И поэтому мне остается только одно – оставить тебя один на один с человеком, который превратил последний год моей жизни в настоящий ад. Сегодня я не сказала тебе его имени, но назову его в этом письме. У меня нет ни детей, ни близких родственников, о которых стоит волноваться, поэтому не бойся огласки. Если

можешь, Роджер, мой самый дорогой Роджер, прости мне то зло, которое я могла тебе причинить, но так и не смогла...

Экройд остановился, перед тем как перевернуть страницу.

– Шеппард, простите меня, но это я должен прочитать один, – сказал он дрогнувшим голосом. – Это было написано для меня, и только для меня. – Он убрал письмо в конверт, который положил на стол. – Позже – когда я останусь один.

– Нет, – воскликнул я, повинувшись импульсу, – прочитайте его сейчас же!

Экройд с удивлением уставился на меня.

– Прошу прощения, – сказал я, покраснев. – Я не имел в виду прочитать его вслух. Но прочитайте его до конца, пока я здесь.

Экройд покачал головой.

– Нет, лучше я подожду.

Однако по какой-то причине, которую до сих пор не могу понять, я продолжал настаивать.

– На худой конец прочитайте хотя бы имя этого человека, – попросил я.

По сути своей Экройд личность довольно упрямая, поэтому, чем больше вы просите его что-то сделать, тем больше он упирается. Все мои аргументы на него не подействовали.

Письмо было доставлено без двадцати девять. А без десяти девять, когда я уже покидал «Фернли», оно все еще оставалось непрочитанным. Положив руку на ручку двери, я остановился и оглянулся, чтобы проверить, не оставил ли что-нибудь недоделанным. Но ничего вспомнить так и не смог и, покачав головой, вышел и закрыл за собою дверь.

Увидев Паркера совсем рядом с нею, я невольно вздрогнул. Он выглядел смущенным, и я подумал, что дворецкий мог подслушивать под дверь.

У этого человека было на удивление жирное, самодовольное и лоснящееся лицо, а в его глазах было нечто хитрое и изворотливое.

– Мистер Экройд еще раз подчеркнул, что не хочет, чтобы его беспокоили, – холодно произнес я. – Он просил меня передать это вам.

– Ну конечно, сэр. Просто мне показалось... что я услышал звонок.

Это была настолько неприкрытая ложь, что я даже не удосужился на нее ответить. Проводив меня в холл, Паркер помог мне надеть пальто, и я вышел на улицу. На небе была сплошная облачность, и все вокруг выглядело мрачно и неподвижно.

Когда я проходил через ворота, деревенские часы пробили девять. Я повернул налево, в сторону деревни, и почти врезался в мужчину, шедшего в противоположном направлении.

– Эта дорога ведет в «Фернли-парк»? – спросил незнакомец хриплым голосом.

Я взглянул на него. Его шляпа была натянута на самые глаза, а воротник пальто поднят. Я почти не видел его лица, но мне показалось, что он довольно молод. Голос его был груб и явно принадлежал малообразованному человеку.

– Вот это въездные ворота, – ответил я.

– Благодарю вас, мистер. – Он помолчал, а потом совершенно бессмысленно добавил: – Понимаете, я чужак в здешних краях.

Он прошел через ворота, а я обернулся, чтобы посмотреть ему вслед.

Самым странным было то, что его голос показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

Через десять минут я был уже дома. Кэролайн разрывалась от любопытства узнать, почему я вернулся так рано. Мне пришлось рассказать ей придуманную историю про сегодняшний вечер, чтобы удовлетворить ее любопытство, и у меня создалось впечатление, что она поняла, что это была выдумка.

В десять часов я встал, зевнул и предложил идти спать. Кэролайн молча согласилась.

Это был вечер пятницы, а по вечерам в пятницу я завожу часы во всем доме. Так я сделал и в тот вечер, пока Кэролайн проверяла, насколько тщательно слуги заперли двери.

В четверть одиннадцатого мы поднялись на второй этаж. Только я успел ступить на верхнюю лестничную площадку, как внизу зазвонил телефон.

– Это миссис Бэйтс, – немедленно предположила Кэролайн.

– Боюсь, что ты права, – уныло согласился я и, спустившись вниз, снял трубку.

– Что? – переспросил я. – Что вы говорите? Конечно, сейчас буду.

Я взбежал по лестнице, схватил свой саквояж, положил в него несколько лишних бинтов и крикнул Кэролайн:

– Это Паркер, из «Фернли»! Они только что обнаружили убитого Роджера Экройда!

Глава 5

Убийство

Я бросился в машину и через несколько секунд уже мчался в сторону «Фернли». Приехав, я нетерпеливо нажал кнопку звонка входной двери. Никто не открывал, и я позвонил еще раз.

Наконец я услышал, как загремели цепочки, и на пороге появился абсолютно невозмутимый Паркер.

Оттолкнув его, я влетел в холл.

– Где он? – спросил я, задыхаясь.

– Прошу прощения, сэр?

– Ваш хозяин. Мистер Экройд... Послушайте, не стойте здесь и не таращитесь на меня. Вы уже позвонили в полицию?

– В полицию, сэр? Вы сказали, в полицию? – Паркер уставился на меня как на привидение.

– Что с вами происходит, Паркер? Если, как вы говорите, ваш хозяин был убит...

Паркер чуть не задохнулся.

– Хозяин? Убит? Но это невозможно, сэр!

Теперь уже наступила моя очередь таращиться.

– А разве вы не звонили мне пять минут назад и не сказали, что мистера Экройда нашли убитым?

– Я, сэр? Нет, конечно, нет, сэр. Мне бы такое даже в голову не пришло.

– Вы что, хотите сказать, что все это был глупый розыгрыш? И что с мистером Экройдом всё в порядке?

– Простите меня, сэр, а что, человек, который вам позвонил, назвался моим именем?

– Вот дословно то, что он сказал: «Это доктор Шеппард? Говорит Паркер, дворецкий из «Фернли». Не могли бы вы немедленно приехать, сэр? Мистера

Экройда убили».

Мы с Паркером тупо смотрели друг на друга.

– Жутковатая шуточка, скажу я вам, сэр, – произнес наконец дворецкий шокированным тоном. – Только представить себе, что можно сказать что-то подобное...

– А где сам мистер Экройд? – неожиданно спросил я.

– Полагаю, что все еще в кабинете, сэр. Леди уже отошли ко сну, а майор Блант и мистер Реймонд в бильярдной.

– Думаю, что я загляну к нему на секунду, – сказал я. – Я знаю, что он не хотел, чтобы его беспокоили, но после этой идиотской шутки мне как-то не по себе. Просто хочу убедиться, что с ним всё в порядке.

– Конечно, сэр. Я тоже волнуюсь. Если вы не возражаете, сэр, то я пройду с вами – только до двери кабинета, сэр...

– Отнюдь не возражаю. Пойдемте.

Я прошел в правую от себя дверь. Паркер следовал за мной по пятам. Мы пересекли небольшой холл, в котором находилась небольшая лестница, ступеньки которой вели наверх, в спальню Экройда, и постучались в дверь его кабинета.

Нам никто не ответил, а когда я попытался открыть дверь, то оказалось, что она заперта изнутри.

– Разрешите мне, сэр, – предложил Паркер.

Очень изящно для человека его пропорций он опустился на колени и прижался глазом к замочной скважине; затем произнес, поднимаясь на ноги:

– Ключ торчит в скважине, сэр. Изнутри. Скорее всего, мистер Экройд заперся, а потом просто крепко заснул.

Я тоже наклонился и убедился в том, что слова дворецкого – правда.

– Наверное, вы правы, – сказал я, – но все равно, Паркер, мне придется разбудить вашего хозяина. Я не смогу со спокойной душой уехать домой, пока он сам не скажет мне, что с ним всё в порядке.

Сказав это, я потряс ручку двери и крикнул:

– Экройд, Экройд, откройте!

Мне никто не ответил.

– Мне бы не хотелось будить весь дом, – с сомнением бросил я через плечо.

Паркер отошел и закрыл дверь в большой холл, через которую мы прошли.

– Думаю, сэр, что теперь всё нормально. Бильярдная на противоположной стороне дома, так же как и кухня и спальни леди.

Я согласно кивнул, еще сильнее потряс дверь и, наклонившись, крикнул практически в самую скважину:

– Экройд, Экройд, это Шеппард. Впустите меня!

И опять полная тишина. Из закрытой комнаты не доносилось никаких звуков. Мы с дворецким посмотрели друг на друга.

– Послушайте, Паркер, – сказал я, – я сейчас сломаю эту дверь, то есть мы сделаем это вместе с вами. Всю ответственность я беру на себя.

– Как скажете, сэр, – ответил Паркер с сомнением.

– Я именно так и говорю. Я сильно волнуюсь по поводу мистера Экройда.

Я осмотрел маленький холл и увидел тяжелый дубовый стул. Взяв его с двух сторон, мы с Паркером бросились в атаку на дверь. Нам пришлось трижды ударить стулом в область замка, и только на третьем ударе дверь поддалась, и мы вломились в комнату.

Экройд сидел перед камином там же, где я его и оставил. Его голова упала набок, и прямо под воротничком был ясно виден блеск какого-то металлического предмета.

Мы с Паркером прошли вперед и остановились над неподвижной фигурой. Я услышал, как дворецкий с шипением втянул в себя воздух.

– Ударили сзади, – пробормотал он. – Ужас!

Паркер вытер платком пот со лба и протянул дрожащую руку к рукоятке кинжала.

– Не трогайте, – резко остановил его я. – Немедленно идите и позвоните в полицейский участок. Сообщите им о случившемся. А потом скажите обо всем мистеру Реймонду и майору Бланту.

– Слушаюсь, сэр.

Паркер заторопился прочь, все еще вытирая покрытый потом лоб.

Я сделал то небольшое, что мне оставалось: постарался не менять положение тела и вообще не дотронулся до кинжала. Тут требовалась большая осторожность, ни до чего нельзя было дотрагиваться. Но, поверхностно осмотрев Экройда, я понял, что он мертв уже какое-то время.

Снаружи раздался голос молодого Реймонда, полный ужаса и сомнений:

– Что вы говорите? Боже! Это невозможно! Где доктор?

Он стремительно возник в дверях и замер как вкопанный, с лицом белым, как бумага. Гектор Блант рукой отодвинул его в сторону и прошел в комнату.

– Боже мой! – воскликнул Реймонд у него из-за спины. – Так, значит, это правда!

Блант прошел прямо к креслу и нагнулся над телом. Мне показалось, что он, как и Паркер, сейчас дотронется до рукоятки кинжала. Одной рукой попридержав его, я пояснил:

– Здесь ничего нельзя трогать. Полиция должна увидеть все как есть.

Блант кивнул в знак согласия. Его лицо, как и всегда, было абсолютно неподвижно, но мне показалось, что под этой непроницаемой маской что-то промелькнуло. Теперь к нам подошел и Джоффри Реймонд, который смотрел на тело из-за плеча Бланта.

– Это ужасно, – негромко произнес он.

Реймонд уже взял себя в руки, но когда снял пенсне, которое обычно носил, и стал его полировать, то руки его заметно дрожали.

– Скорее всего, ограбление, – предположил он. – Однако как грабитель попал сюда? Через окно? Что-нибудь пропало?

Реймонд подошел к столу.

– Вы считаете, что это ограбление? – медленно спросил я.

– А что еще? Ведь, я полагаю, речь о самоубийстве не идет?

– Ни один человек не сможет так воткнуть в себя нож, – уверенно произнес я. – Без всяких сомнений, это убийство. Но где мотив?

– У Роджера не было никаких врагов, – спокойно заметил майор Блант. – Так что, скорее всего, это действительно грабители. Но что им было надо? Кажется, что всё в абсолютном порядке.

Он оглянулся вокруг. Реймонд продолжал просматривать бумаги на столе.

– На первый взгляд ничего не пропало, и не видно, чтобы кто-то пытался вскрыть ящики стола.

Блант сделал короткий жест головой.

– На полу лежат какие-то письма, – заметил он.

Я посмотрел на пол. Там все еще лежали те письма, которые Экرويد уронил вечером.

А вот голубого конверта, в котором было письмо миссис Феррарс, нигде не было видно. Я уже раскрыл было рот, чтобы сказать об этом, но дом заполнили трели звонка. В холле раздался шум голосов, и в кабинете появился Паркер в сопровождении нашего местного инспектора и констебля.

– Добрый вечер, джентльмены, – поздоровался инспектор. – Мне чрезвычайно жаль! Такой достойный джентльмен, как мистер Экرويد... Дворецкий говорит, что это убийство. А самоубийство полностью исключается, доктор?

– Полностью, – ответил я.

– Да, плохи наши дела...

Он подошел, остановился над телом и резко спросил:

– Здесь ничего не двигали?

– Я не двигал тело – только убедился, что Экرويد мертв. Это было совсем несложно, – пояснил я.

– Ах вот как! И все указывает на то, что убийце удалось скрыться – по крайней мере, на данный момент... Теперь я хотел бы услышать подробности. Кто обнаружил тело?

Я подробно рассказал все обстоятельства происшедшего.

– Вы говорите, что вам позвонили по телефону? И представились дворецким?

– Я ничего подобного не делал, – заявил Паркер серьезным голосом. – Я за весь вечер и близко не подходил к телефону. Это любой может подтвердить.

– Очень странно... А голос был похож на голос Паркера, доктор?

– Не могу точно сказать. Понимаете, я воспринял это как должное.

– Естественно. Итак, вы примчались сюда, взломали дверь и нашли беднягу Экройда именно в таком положении... Как вы считаете, доктор, сколько уже времени он мертв?

– По меньшей мере полчаса, может быть, чуть дольше.

– Вы говорите, что дверь была заперта изнутри. А как насчет окна?

– Я сам закрыл его и задвинул шпингалет сегодня вечером. Меня попросил об этом мистер Экройд.

Инспектор прошел к окну и отодвинул шторы.

– В любом случае сейчас оно открыто, – сообщил он.

И действительно, окно было открыто. Его нижняя рама была поднята на всю возможную высоту.

Достав карманный фонарик, инспектор внимательно осмотрел подоконник со стороны улицы.

– Убийца вошел и вышел именно через окно, – заметил он. – Посмотрите сами.

В свете мощного луча фонаря были ясно видны несколько следов обуви. Они были похожи на отпечатки подошв с резиновыми шипами. Один из них, особенно хорошо заметный, указывал на то, что владелец этой обуви проник внутрь, а второй, слегка перекрывающий первый, – на то, что вылез он тем же

путем.

– Ясно как божий день, – сказал инспектор. – Уже определили, что пропало?

Джоффри Реймонд покачал головой.

– Пока нет. Мистер Экройд никогда не держал в кабинете ничего ценного.

– Гм?м, – произнес инспектор. – Человек видит открытое окно. Забирается внутрь и обнаруживает в комнате мистера Экройда – вполне возможно, что тот спит в кресле. Человек бьет его ножом в спину, а потом пугается того, что совершил, и смывается. При этом он оставляет очень заметные следы. Думаю, что мы легко его возьмем. За последнее время вокруг дома не крутились подозрительные личности?

– Боже! – неожиданно воскликнул я.

– В чем дело, доктор?

– Сегодня вечером я встретил незнакомца, как раз когда выходил из ворот. Он спросил меня, как пройти в «Фернли-парк».

– Во сколько это произошло?

– Сразу же после девяти вечера. Открывая ворота, я слышал, как прозвонили часы на церкви.

– Вы можете его описать?

Я постарался сделать это в меру своих способностей.

Инспектор повернулся к дворецкому:

– Кто-нибудь подходящий под это описание подходил к центральному входу?

– Нет, сэр. Вечером в доме не было никого из посторонних.

– А как насчет черного хода?

– Не думаю, сэр, но я спрошу слуг.

Паркер направился к двери, но инспектор остановил его жестом руки.

– Спасибо, не надо. Я сам задам необходимые вопросы. Но прежде я хотел бы поточнее разобраться со временем. Когда мистера Экройда в последний раз видели живым?

– Думаю, что это был я, – признался я, – когда уходил – по-моему, было где-то без десяти девять. Он еще сказал мне, что не хочет, чтобы его беспокоили, и я передал это распоряжение Паркеру.

– Именно так, сэр, – почтительно произнес дворецкий.

– В половине десятого мистер Экройд был точно жив, – вставил Реймонд. – Я слышал, как он с кем-то здесь разговаривал.

– И с кем же?

– Этого я не знаю. Естественно, что в тот момент я подумал, что с доктором Шеппардом, с которым он раньше прошел в кабинет. Я хотел задать ему пару вопросов по поводу документов, над которыми работал, но, услышав голоса, вспомнил, как Роджер сказал, что не хочет, чтобы его беседу с доктором прерывали, и не стал заходить. Но теперь я понимаю, что доктор к тому времени уже ушел?

Я утвердительно кивнул.

– В четверть десятого я уже был дома, – подтвердил я. – И никуда не выходил, пока не раздался телефонный звонок.

– Кто же мог быть с убитым в половине десятого? – задал вопрос инспектор. – Вас там случайно не было, мистер э?э?э...

– Майор Блант, – подсказал я.

– Майор Гектор Блант? – переспросил инспектор, и в его голосе слышалось уважение.

Тот молча кивнул.

– Кажется, вы уже бывали у нас раньше, сэр, – заметил инспектор. – Я вас сразу не узнал, но вы гостили у мистера Экройда год назад, в мае.

– В июне, – поправил его Блант.

– Точно, именно в июне. Так я спросил, это не вы были с мистером Экройдом в половине десятого?

Майор отрицательно покачал головой.

– Я не видел его после обеда, – добавил он.

Инспектор снова повернулся к Реймонду:

– Вы ничего не слышали из того, что говорилось за дверью, а?

– Нет, я разобрал коротенький отрывок, – сказал секретарь. – И так как я полагал, что в кабинете находится доктор Шеппард, то он показался мне очень странным. Если я правильно помню, то вот что было сказано: «...посягательства на мой кошелек в последнее время носили регулярный характер, – это сказал мистер Экройд, – поэтому боюсь, что не смогу удовлетворить ваше требование». Естественно, что я сразу же ушел, поэтому больше ничего не слышал. Но я был в замешательстве, потому что доктор Шеппард...

– Никогда не просил о кредитах для себя и не выступал в качестве просителя за других, – закончил я за него.

– Требование денег, – произнес инспектор с задумчивым видом. – Вполне возможно, что это очень важная улика. – Он повернулся к дворецкому: – Вы сказали, Паркер, что никого не впускали вечером через главный вход?

– Именно так я и сказал, сэр.

– Тогда у меня нет сомнений, что мистер Экройд сам впустил незнакомца. Но я не совсем понимаю...

На несколько минут инспектор погрузился в какие-то размышления.

– Одно совершенно ясно, – сказал он наконец, возвращаясь к действительности. – В девять тридцать мистер Экройд был жив и здоров. И это последний момент, в который, как мы уверены, он был жив.

Паркер виновато покашлял, и инспектор мгновенно перенес все свое внимание на дворецкого.

– Ну что еще? – резко спросил он.

– Если позволите, сэр... Прошу прощения, но мисс Флора виделась с ним после этого.

– Мисс Флора?

– Да, сэр. Думаю, что это было где-то без четверти десять. И уже после этого она еще раз сказала мне, что мистер Экройд не хочет, чтобы его ночью беспокоили.

– Он что, послал ее к вам с этим сообщением?

– Не совсем так, сэр. Я шел с подносом, на котором стояли виски и содовая, когда из кабинета вышла мисс Флора. Она остановила меня и передала, что ее дядя не хочет, чтобы его беспокоили.

Теперь инспектор смотрел на дворецкого с гораздо большим вниманием, чем раньше.

– Но ведь вам же уже говорили, что мистер Экройд не хочет, чтобы его беспокоили, не так ли?

– Да, сэр. Правильно, сэр. Именно так, сэр. – Дворецкий стал заикаться, и руки у него задрожали.

– И тем не менее вы собирались его побеспокоить?

– Я забыл об этом, сэр. То есть я хочу сказать, что всегда приношу ему виски об эту пору, сэр, и спрашиваю, не нужно ли ему еще что-нибудь. Так что я делал все это автоматически, даже не думая.

Именно в этот момент мне пришло в голову, что Паркер что-то слишком сильно нервничает. Этот человек трясся и корчился с ног до головы.

– Гм?м, – промычал инспектор. – Мне необходимо немедленно увидеть мисс Экройд. Давайте пока оставим в этой комнате все как есть. Я вернусь сюда после того, как услышу то, что расскажет мне мисс Экройд. Просто на всякий случай закрою и запру окно.

Закончив эти предосторожности, он вышел в холл, и мы последовали за ним. Посмотрев на небольшую лестницу, инспектор через плечо бросил констеблю:

– Джонс, останьтесь здесь и последите, чтобы в эту комнату никто не входил.

– Прошу прощения, сэр, – уважительно заметил Паркер, – но если вы запрете дверь в большой холл, то эта часть дома будет полностью изолирована. Эта лестница ведет в спальню и ванную комнату мистера Экройда. С остальным домом сия часть никак не соединяется. Когда-то туда вела дверь, но мистер Экройд приказал ее заложить. Он хотел, чтобы его апартаменты были совершенно изолированы.

Для того чтобы все было ясно, я сделал небольшой набросок правого крыла дома. Маленькая лестница, как уже сказал Паркер, ведет в большую спальню, состоявшую из двух комнат, которые позже были переделаны в одну. Рядом с ней расположены ванная и туалет.

Инспектор мгновенно разобрался в архитектуре здания. Мы прошли в большой холл, и он запер дверь, положив ключ себе в карман. Потом негромко отдал несколько распоряжений констеблю, и тот приготовился уехать.

– Нам надо заняться этими следами, – пояснил инспектор. – Но прежде всего я должен переговорить с мисс Экройд. Она была последней, кто видел ее дядю живым. Ее уже поставили в известность?

Реймонд отрицательно покачал головой.

– Тогда и не стоит ей этого говорить. Она лучше ответит на мои вопросы, если не будет расстроена информацией о смерти дяди. Скажите ей, что произошло ограбление и что я прошу ее одеться и спуститься вниз, чтобы ответить на несколько вопросов.

Реймонд отправился наверх, чтобы передать просьбу инспектора.

– Мисс Экройд сойдет через минуту, – сказал он, возвратившись. – Я сказал ей именно то, что вы предложили.

Меньше чем через пять минут Флора спустилась по лестнице. Она была закутана в розовое шелковое кимоно и выглядела испуганной и взволнованной.

Инспектор встал ей навстречу.

– Добрый вечер, мисс Экройд, – произнес он светским тоном. – Боюсь, что в доме была совершена попытка ограбления, и я хотел бы, чтобы вы нам немного помогли. Что у нас здесь – биллиардная? Давайте зайдем и присядем.

Флора настороженно села на низкий диван, шедший вдоль всей стены комнаты, и снизу вверх посмотрела на инспектора.

– Я не совсем понимаю. А что было украдено? Что вы хотите от меня услышать?

– А вот что: Паркер сказал, что вы вышли из кабинета вашего дяди без четверти десять. Это правильно?

– Совершенно правильно. Я заходила пожелать ему спокойной ночи.

– И время названо правильно?

– Наверное, что-то около того. Точно сказать не могу. Может быть, даже чуть позже.

– Ваш дядя был один или в комнате еще кто-то был?

– Он был один. Доктор Шеппард к тому времени уже ушел.

– А вы не заметили, окно было закрыто или нет?

Флора покачала головой.

– Не могу сказать. Шторы были задернуты.

– Вот именно... Ваш дядя вел себя как обычно?

– По-моему, да.

– А вы не можете рассказать поточнее, что произошло в кабинете?

Флора замолчала на минуту, как будто собиралась с мыслями.

– Я вошла и сказала: «Спокойной ночи, дядя. Я иду спать. Что-то я сегодня устала». Он вроде бы как что-то проворчал, а я наклонилась и поцеловала его, а он еще что-то сказал о том, что мне идет платье, которое было на мне надето. А потом сказал, чтобы я ему не мешала и что он занят. Ну вот я и пошла.

– Он подчеркивал, что не хочет, чтобы ему мешали?

– Ах да, конечно! Совсем забыла. Он произнес: «Скажи Паркеру, что сегодня мне больше ничего не нужно, и пусть он меня больше не беспокоит». С Паркером я столкнулась прямо перед дверью и передала ему распоряжение дяди.

– Вот как, – сказал инспектор.

– А вы не скажете мне, что же все-таки было украдено?

– Мы в этом пока не уверены, – ответил инспектор, поколебавшись.

Неожиданно в глазах девушки появился страх – она посмотрела на полицейского.

– Что случилось? Вы что-то скрываете от меня?

Двигаясь в своей обычной незаметной манере, майор Блант встал между нею и инспектором. Девушка вытянула руку, он взял ее в две свои и стал поглаживать, как будто Флора была маленьким ребенком. Та повернулась к нему – казалось, что его флегматичные, непоколебимые, как скала, манеры обещали ей покой и безопасность.

– У меня плохие новости, Флора, – негромко проговорил майор. – Плохие для всех нас. Ваш дядя Роджер...

– Я слушаю вас...

– Это наверняка окажется для вас шоком. Бедный Роджер мертв.

Флора, с глазами полными ужаса, отпрянула от него.

– Когда? – прошептала она. – Когда?

– Боюсь, что вскоре после того, как вы от него вышли, – мрачно ответил Блант.

Флора поднесла руку к горлу, вскрикнула, и я с трудом успел подхватить ее падающее тело. Она потеряла сознание, и мы с Блантом отнесли ее наверх и уложили в постель. После этого я заставил его разбудить миссис Экройд и рассказать ей все новости. Флора вскоре пришла в себя, и я привел к ней ее мать, предварительно рассказав миссис Экройд, что она должна делать. После этого я поспешил вниз.

Глава 6

Тунисский кинжал

С инспектором я столкнулся как раз в тот момент, когда он выходил с той половины дома, где находилась кухня.

– Как наша молодая леди, доктор?

– Она уже пришла в себя. С нею ее мать.

– Вот и хорошо. Я опрашивал слуг. Все они утверждают, что сегодня никто не входил в дом через черный вход. Ваше описание того незнакомца довольно туманное – может быть, вспомните что-то более определенное, чтобы было от чего отталкиваться?

– Боюсь, что не смогу, – с сожалением ответил я. – Понимаете, ночь была темная, а у этого парня воротник был поднят, а шляпа натянута до самых бровей.

– Гм?м, – сказал инспектор. – Создается впечатление, что он хотел скрыть свое лицо. Вы уверены, что не знаете его?

Ответил я отрицательно, но не так уверенно, как мне хотелось бы. Я помнил, что в тот момент голос того типа показался мне знакомым. Именно это я и попытался объяснить инспектору – правда, вышло у меня это довольно сумбурно.

– Вы говорите, что это был грубый голос необразованного человека?

Я согласно кивнул, но тут мне пришло в голову, что грубость его была преувеличена, как будто наиграна. Если мужчина, как думает инспектор, старался скрыть свое лицо, то он вполне мог попытаться изменить голос.

– Не пройдете ли вы еще раз в кабинет, доктор? Я хочу задать вам пару вопросов.

Я согласился, инспектор Дэвис отпер дверь холла, мы прошли внутрь, и он запер дверь за собой.

– Мы же не хотим, чтобы нам мешали, – мрачно заметил он. – И не хотим, чтобы нас подслушивали. Что это за история с шантажом?

– С шантажом? – воскликнул я, совершенно потрясенный.

– Это что, плод фантазии Паркера или за этим действительно что-то стоит?

– Если Паркер что-то слышал о шантаже, то он должен был подслушивать под дверью, буквально прилипнув ухом к дверной скважине.

Дэвис согласно кивнул.

– Скорее всего, вы правы. Понимаете, я задал несколько вопросов о том, что Паркер делал в течение вечера. Сказать по правде, мне его манеры не очень нравятся. Этот человек что-то знает. Когда я стал задавать ему вопросы с пристрастием, он заволновался и выдал какую-то маловразумительную историю про какой-то шантаж.

Я мгновенно принял решение.

– Рад, что вы об этом сами заговорили, – сказал я. – Я никак не мог решить, рассказывать ли все как на духу или нет. Я почти уже решил все вам рассказать, но ждал подходящего случая. Так что слушайте...

И я рассказал ему обо всем, что случилось вечером, так же, как я записал все это здесь. Инспектор с интересом слушал, время от времени задавая вопросы.

– Самая невероятная история из тех, которые мне доводилось слышать, – сказал он, когда я закончил. – И вы говорите, что это письмо бесследно исчезло? Дела действительно плохи – очень плохи. Это дает то, чего нам не хватало с самого начала, – мотив.

– Понимаю, – кивнул я.

– Вы говорите, что мистер Экройд намекнул на то, что подозревает кого-то из своих домашних? Это, знаете ли, довольно широкое определение...

– А вы не думаете, что сам Паркер может быть тем человеком, который нам нужен? – предположил я.

– Здорово похоже на то. Очевидно, что, когда вы вышли, он подслушивал под дверь. А когда мисс Экройд позже столкнулась с ним, он как раз собирался войти в кабинет. А что, если предположить, что он таки вошел в него, когда она скрылась из вида? Ударил Экройда кинжалом, запер дверь изнутри, открыл окно, выбрался через него из кабинета и вошел в дом через черный ход, который заранее оставил открытым... Как вам такой вариант?

– В нем есть только один недостаток, – медленно заметил я. – Если Экройд продолжил чтение письма сразу после того, как я ушел – а именно это он и собирался сделать, – то ему не было смысла сидеть и размышлять целый час. Он бы сразу же вызвал Паркера, предъявил бы ему обвинения, и тогда разразился бы полноценный скандал. Не забывайте, что Экройд был человеком холерического темперамента.

– А может быть, он не сразу взялся за письмо? – предположил инспектор. – Мы же знаем, что у него кто-то был в половине десятого. Если этот посетитель появился так быстро после вашего ухода, а после того, как он ушел, появилась мисс Экройд со своим «спокойным ночи», то он не мог бы заняться письмом раньше десяти часов.

– А как же телефонный звонок?

– Звонил Паркер – тут никакого сомнения. Он сделал это, вероятно, еще до того, как запер дверь и открыл окно. А потом психанул или запаниковал и решил полностью отрицать, что ему что-то известно. Так все и произошло, можете мне поверить.

– Н?у?у?у, могло быть и так, – сказал я с сомнением.

– В любом случае правду о телефонном звонке мы сможем узнать на коммутаторе. Если звонили отсюда, то вряд ли это мог сделать кто-то, кроме Паркера. И если это так, то он наш человек. Но никому ни слова – мы не должны пугать его до того, как у нас на руках будут все улики. Я позабочусь о том, чтобы он ничего не заподозрил. Для всех же – мы разрабатываем вашего таинственного незнакомца.

Инспектор встал со стула возле письменного стола, на котором сидел верхом, и подошел к неподвижному телу в кресле у камина.

– Оружие тоже должно нам что-то дать, – сказал он, подняв глаза, – оно какое-то совсем неизвестное, настоящий раритет – сразу видно.

Полицейский наклонился, внимательно рассматривая ручку кинжала, и я услышал, как он что-то удовлетворенно промычал. Потом очень осторожно взялся за лезвие чуть ниже самой рукоятки, аккуратно вынул его из раны и, все еще стараясь не дотрагиваться до рукоятки, положил кинжал в широкую китайскую вазу, украшавшую камин.

– Да, – сказал он, кивнув на кинжал. – Настоящее произведение искусства. Таких, должно быть, не так-то уж и много на свете.

Это был действительно изумительный по красоте кинжал. Узкое изогнутое лезвие; ручка, сделанная из перевитых кусков разных металлов, на создание которой ушла масса времени и терпения... Инспектор осторожно попробовал лезвие пальцем, проверил его остроту и соорудил уважительную гримасу.

– Боже, как бритва, – воскликнул он. – Даже ребенок вполне мог воткнуть его во взрослого мужчину – и он вошел бы, как нож в масло... Опасная игрушка для того, чтобы держать ее в доме.

– Могу я теперь осмотреть тело? – спросил я.

Инспектор кивнул.

– Приступайте.

Я тщательно осмотрел труп.

– Ну и?.. – спросил полицейский, когда я закончил.

– Не буду мучить вас терминологией, – сказал я, – это мы оставим для досудебного расследования. Удар был нанесен правой, который стоял у него за спиной, и смерть наступила практически мгновенно. Судя по выражению на лице убитого, можно предположить, что удар был нанесен совершенно неожиданно. Возможно, он умер, так и не поняв, кто на него напал.

– Дворецкие умеют ходить неслышно, как кошки, – заметил инспектор Дэвис. – Думаю, что в этом преступлении не так уж много загадок. Взгляните на ручку этого кинжала.

Я взглянул.

– Может быть, вы их и не замечаете, но я?то их хорошо вижу, – он понизил голос. – Отпечатки пальцев рук!

Он отошел на шаг, чтобы полюбоваться эффектом, который произвели его слова.

– Да, – мягко согласился я. – Мне это тоже пришло в голову.

Не понимаю, почему некоторые люди принимают меня за полного идиота. В конце концов я читаю детективы, газеты и считаю себя человеком вполне обычных способностей. Вот если б на рукоятке остались отпечатки ног, тогда это было бы необычно, и я с удовольствием выразил бы свои удивление и восхищение.

Мне показалось, что инспектор обиделся на меня из-за того, что я не продемонстрировал должного восторга. Он взял китайскую вазу и предложил мне пройти вместе с ним в биллиардную.

– Хочу узнать, может быть, мистер Реймонд сможет нам что-то рассказать об этом кинжале, – пояснил он.

Опять заперев за собой дверь в холл, мы прошли в бильярдную, где и нашли Джоффри Реймонда. Инспектор показал ему свой трофей.

– Вы видели его раньше, мистер Реймонд?

– Знаете, мне кажется – я почти в этом уверен, – что эту безделушку подарил мистеру Экройду майор Блант. Она из Марокко... хотя нет, из Туниса. Так убийство было совершено этим кинжалом? Просто невероятно, и в то же время трудно предположить, что существуют два одинаковых кинжала... Может быть, стоит позвать майора Бланта?

И не дожидаясь ответа, он быстро вышел.

– Очень приятный молодой человек, – заметил инспектор. – Видно, что честный и искренний.

Я согласился с ним. За те два года, что Джоффри Реймонд служил секретарем у Экройда, я ни разу не видел его раздраженным или потерявшим терпение. Кроме того, я знал, что он очень хороший секретарь.

Через пару минут Реймонд вернулся в сопровождении Бланта и взволнованно произнес:

– Я был прав. Это действительно тунисский кинжал.

– Но ведь майор Блант его еще не видел, – возразил инспектор.

– Я увидел его в тот момент, когда вошел в кабинет, – совершенно спокойно сказал майор.

– Значит, вы его узнали?

Блант кивнул.

– И вы ничего о нем не сказали, – в голосе инспектора появились нотки подозрительности.

– Момент был неподходящим, – пояснил майор. – Масса неприятностей в жизни происходит из-за того, что кто-то говорит что-то в самый неподходящий момент.

Он равнодушно встретился взглядом с инспектором. Последний наконец крякнул и опустил глаза.

– Вы в этом абсолютно уверены, сэр? – спросил он, поднося кинжал поближе к Бланту. – Вы можете это утверждать?

– Абсолютно. Никаких сомнений.

– А где обычно находилось это... эта безделушка? Вы можете сообщить мне это, сэр?

На сей раз ответил секретарь:

– Он лежал в витрине, в гостиной.

– Что? – воскликнул я.

Все посмотрели на меня.

– В чем дело, доктор? – спросил инспектор подбадривающим тоном. – Так в чем же? – повторил он, все еще ожидая, что я ему скажу.

– Да так, просто ерунда какая-то, – ответил я извиняющимся тоном. – Когда я вечером приехал на обед, то услышал, как кто-то закрыл верхнюю крышку витрины в гостиной.

На лице у инспектора появились скепсис и подозрение.

– А почему вы решили, что это была крышка витрины?

Тогда мне пришлось все объяснить с подробностями. Это было долгое и нудное объяснение, которого я бы с удовольствием избежал, если б смог.

Инспектор выслушал его до конца.

– А кинжал лежал в витрине, когда вы рассматривали ее содержимое? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Не помню, чтобы я обратил на него внимание, но, вполне возможно, что он там был.

– Нам лучше пригласить сюда домоправительницу, – сказал инспектор и нажал на кнопку звонка.

Через несколько минут в комнату вошла мисс Рассел, приглашенная Паркером.

– Не думаю, что я вообще подходила к этой витрине, – ответила она на вопрос инспектора. – Меня интересовало, нет ли в вазах увядших цветов... Ах нет, теперь я вспомнила: крышка витрины была открыта, а это непорядок, поэтому я закрыла ее, проходя мимо.

И она с вызовом посмотрела на полицейского.

– Понятно, – сказал инспектор. – Так вы можете сказать мне, был ли в витрине кинжал?

Рассел спокойно посмотрела на оружие.

– Не могу сказать, что я в этом уверена, – ответила она. – Я не останавливалась. Я знала, что в любую минуту могут появиться члены семьи, и поэтому хотела побыстрее уйти.

– Благодарю вас, – поблагодарил ее инспектор.

Казалось, что он колеблется, стоит ли допрашивать ее дальше, но мисс Рассел восприняла эти его слова как разрешение уйти и выскользнула из комнаты.

– Настоящая ведьма, – заметил Дэвис, провожая ее взглядом. – Итак, дайте подумать... Доктор, мне кажется, это вы говорили, что витрина стоит возле одного из окон?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Речь идет об известной сказке Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави».

2

Веронал – сильнодействующее снотворное средство.

3

Процедура, которая производится в случае внезапной или насильственной смерти.

4

Сквайр (эсквайр) – почетный титул в Великобритании; в данном случае употребляется как равнозначный термину «джентльмен».

5

Разговор с глазу на глаз (фр.).

6

Южноамериканский стрельный яд, приготовляемый из коры растения *Strychnos toxifera* (Стрихнос ядоносный). При попадании яда в кровь жертва умирает от паралича дыхательных путей. При попадании в организм через желудочно-кишечный тракт яд безвреден.

7

Сорт рыбы.

8

Parrot (англ.) – попугай. Созвучно фамилии Пуаро (Poirot).

9

Поркьюпайн – река на севере Канады и США (Аляска).

10

Роман Дж. Элиотта, впервые опубликованный в 1860 г.

11

Так в Англии иногда называют регулярные собрания в церкви по церковным и конфессиональным вопросам.

12

Город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/ubiystvo-rodzhera-ekroyda-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)